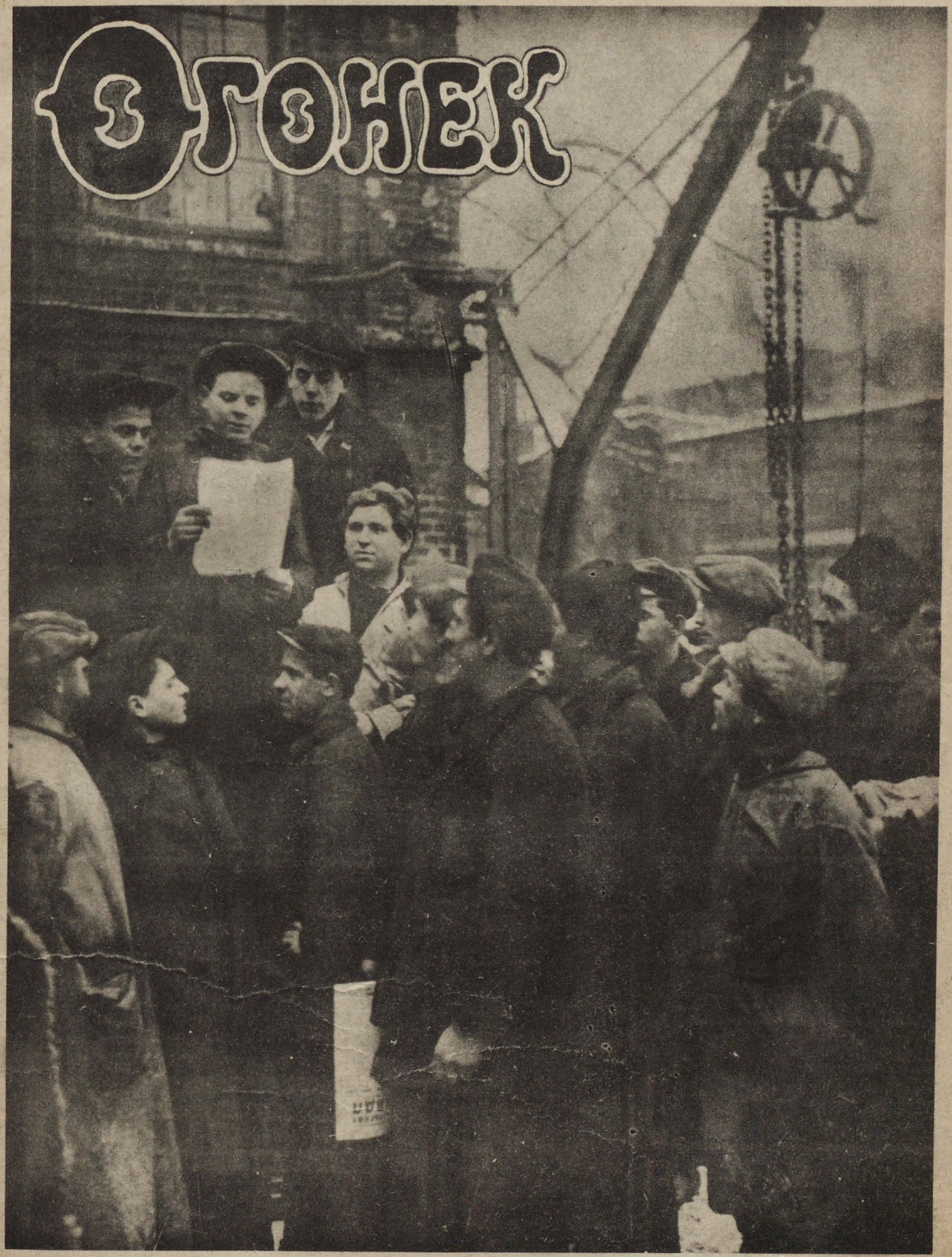
№ 5 (305) Седьмой год издания. Цена в Москве, провинц. и на ст. ж. д. 10 коп.

ОГОНЕК



РАБОЧАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Рабочие московского металлургического завода „Красный Факел“ в перерыве обсуждают инструкцию по перевыборам губотдела металлистов

Фот. Р. Кармен

RED STAR

Производство фармазавода им. Н. А. Семашко
Акц. О-ва „ГОСМЕДТОРГПРОМ“
ТРЕБУЙТЕ ВЕЗДЕ.

Оптовые заказы направлять: Москва, Кривоколенный пер., 12, Правление „Госмедторгпрома“.
С мелкими заказами обращаться в магазины Госмедторгпрома: Москва, Никольская 12, и Кузнецкий Мост 24.
Прейс-куранты высылаются бесплатно.

ФОТО ПЛАСТИНКИ ◊ ФОТО БУМАГА ◊ ФОТО ХИМИКАЛИИ

ВЕРНЫЙ ЗАРАБОТОК всем научившим

РЕМЕСЛА

по САМОУЧИТЕЛЮ Е. Федорова плотничьи, столярные, токарные, корзиночные, бочарные, картонажные, переплетные, проволочные, кузнечные, слесарные, паяние, лужение, никелирование, выделка овчин, мыла, щеток, кистей, веревок, крахмала, зеркальные, обувные, гончарные, печные, малярные и штукатурные работы. С 148 рис. Цена с перес. 3 руб. 40 коп.

НОВЫЙ ПОЛН. САМОУЧИТЕЛЬ

КРОЙКИ и ШИТЬЯ

женских верхних вещей, платьев и белья, **детских** вещей и **мужского** белья. В книге 300 рис. и чертеж. выкр. Ц. перес. 3 р. 35 к.

САМОУЧИТЕЛЬ КРОЙКИ МУЖСКОГО ПЛАТЬ с 73 рис. и чертеж. Ц. с перес. 2 р.

Книжн. склад „КНИГОСБЫТ“ М. Ивасенко и К°. Москва, ул. Герцена, 15/25.

!!! Остерегайтесь подделок !!!

НЕСМЫВАЕМЫЙ ГРИМ ГЛАЗ

ЛУЧШАЯ БЕЗВРЕДН. ЖИДКАЯ КРАСКА для БРОВЕЙ, РЕСНИЦ, ВОЛОС моментально окрашивает в любой цвет, не пачкает, не смывается 5—6 недель:

„ОРЭАЛЬ“ — „БАСМА-ХЕНЭ“

для бровей, на год 3 р., 6 м. 2 р., для волос 3 р. 50 к. и 4 р. 50 к. полгода 1 р. 50 к., для волос 3 р.

„ХНА БАСМОЛЬ“ для бровей, на год 2 р. 50 коп.

Высылает наложенным платежом.

Лаборатория кооператива **„ОРЕАЛЬ“**, Москва, Тверская, 68/4.

2-е исправлен. издание

К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ

МОЯ ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

716—VIII стран., с 64 иллюстр. на отдельных листах меловой бумаги.

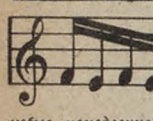
Цена в коленкор. перепл. 6.50. Высылаю деньги вперед за пересылку не платят.

ИЗД-ВО „АКАДЕМИЯ“. Москва, 9, Тверская, 26/0.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ЗАОЧНО ИЗУЧИТЬ **КОСМЕТ. МАССАЖ**

и пр., чтобы открыть у себя **НА ДОМУ КОСМЕТ. КАБИН.** по уходу за кожей **ЛИЦА и ВОЛОСАМИ**. Условия и справки высыл. за две 10-к. марки. **СТРАДАЮЩ. КОСМЕТ. НЕДОСТАТКАМИ** даю письменные **СОВЕТЫ** относ. пр-ва и примен.-средств против угрей, прыщей, веснушек, пятен, морщин, пор, седины и пр. — письмом, с нал. плат. на 3 руб.

Адрес: **Москва 9**, почт. ящ. **1260. М. ЕЗЕРСКОЙ.**



НОТЫ ПОЧТОЙ

любые немедленно высыл. наложен. плат. **МУЗСЕКТОР ГОСИЗДАТА** *(Москва, Неглинная, 14/10),*

КАТАЛОГИ *(фортепиан., вокальный, больш. духов. орк., струнный, мас. художс. литер. книг по музыке).*

ТРЕБУЙТЕ БЕСПЛАТНО!

Госиздат РСФСР.

Спутник Рабочего на 1929 г.

ДАЕТ сведения по всем вопросам, интересующим рабочего и служащего. Стр. 457—1 карта. Ц. в папке 1 р 50 к.

Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата РСФСР.

ПО ПОЧТЕ книгу высыл. по получ. стоимости (можно почт. марк.). **Москва 64, Госиздат, „Книга Почтой“, или Ленинград, Госиздат, „Книга Почтой“.**

ПРЕСТУПНИКИ ЗАП. ЕВРОПЫ

Выдающиеся уголовные процессы посл. времени.

Убийца 24-х. — Убийство и самоубийство. — Человек в масках. — Смит — синяя борода. — Неизменность метода. — Людоед. — Цепе ноги, и др. **Сост. Б. С. Утевский.** Цена 1 р. 60 к., с перес. 1 р. 80 к. Можно наложенным платежом.

Заказы направлять: Москва, ГСП2, Ильинка, 21/0

Изд-во НАРКОМВНУДЕЛА.

ШВЕДСКИЙ ШИЛЕТ

ИЗ ШВЕДСКОЙ СТАЛИ „САНДВИКЕН“

РУССКО-ГЕРМАНСКОГО Т-ва

Инженер Карл Карлович Плец и К°.

Москва, Лесная 11.

ПРОДАЖА ВЕЗДЕ

Спец. **ВОЛОС** (выпадение, перхоть и пр.), **УГРЕЙ** **ПЯТЕН** и и др. **КОСМЕТ.** недост. и бол. кожи. Эл.-светолечение Горн. Солнц. **Д-ра М. Кацен.** Тверская, д. 62.

УЧИТЕСЬ САМИ

ИГРАТЬ С ПОМОЩЬЮ САМОУЧИТЕЛЕЙ ПО НОТНОЙ ИЛИ ЦИФРОВОЙ СИСТЕМЕ:

НА ГАРМОНИКЕ

Самоуч. **Сергеева и Голубева** для венск. двухр. русск. или нем. строя 21 кл. 12 бас., с приложением 20 пьес. П. 1 р. 25 к. 2 альб. пьес (по 10 №№). Ц. 75 к.

НА БАЛАЛАЙКЕ

Самоуч. **Илюхина.** Ц. 1 р. 25 к. 4 сборника песен Луковихина от 60 к. до 80 к.

Ильин А. — Самоуч. (только по цифровой системе). Ц. 60 к.

М. Красев. — Сборник песен — отрывки из опер (только по нотной системе). Ц. 40 к.

НА МАНДОЛИНЕ

Самоуч. **Петрова.** Ц. 1 р. и 18 альбомов от 50 к. до 75 к.

НА ГИТАРЕ

Самоуч. **Успенского.** Ц. 1 р. 75 к. 6 альбомов от 50 к. до 75 к. Альбомы **Любавина** (только по цифровой сист.). От 1 р. до 2 р. Заказы до 5 р. высылаются наложен. плат. без задатка; свыше 5 р. по получ. задатка. **Пересылка за счет заказчика. Москва** (Центр). Неглинная 14/10. **МУЗСЕКТОРУ ГОСИЗДАТА,** или Ленинград, просп. 25 Окт. № 56. **МУЗСЕКТОРУ ГОСИЗДАТА.**

БЕРЕГИ СВОЙ ВОЛОСЫ УДАЛЯЙ ДЕФЕКТЫ УГРИ ЛИЦА ПЯТНА и ДР.

Испыт. преп. лабор. **Институт. Косметол.** Москва, ул. Воровск., №1А (у Арбатск. пл.). М. Б. Копен. Письма адресуйте: **Москва 19**, почт. ящ. 11/0.

1). порош. **„Кути-Фрик“** (п/рец. проф. Унна) **РЯБинки** и следы после удаляет **неглубок.** оспени. угрей. Цена 3 р. кор.

2). Медиц. мыло **„Сека“** (п/рец. Катцен) прот. угрей **ПРЫЩ.** жировыдел. и красноты. д-ра Ц. 85 к. (выс. не менее 3 кус.)

3). **„Хна-Саппин“** против ПЕРХОТИ, зуда, выпаден. волос, Ц. 2 р. фл.

4). **„Электроль“** стягивает **ПОРЫ** и удаляет угри, черные точки расширенные, открытые и сальн. кожи. Ц. 2. р. фл.

5). **„БАЛЬЗА-КРЕМ“** прот. сухости, раздраж. и шелуш. лица. Ц. 1 р.

Высылается не менее 2 туб.

Заказы высылаются по получен. задатка в 50 коп. почт. марками.

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ ЛЮБИТЕЛЬСТВА ФОТО-РЕПОРТАЖА

СОВЕТСКОЕ ФОТО

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1929 ГОД:

ЖУРНАЛ БЕЗ ПРИЛОЖЕНИЙ: год (24 №№) — 6 р., 6 м. — 3 р., 3 мес. — 1 р. 50 к. 1 мес. — 60 к. Журнал с ежемесячным приложением **„Фотографической Библиотеки“** (1600 стран. в год): год — 10 руб., полгода — 5 руб., 3 мес. — 2 руб. 50 к., 1 мес. — 1 руб.

ЗА ПРИЛОЖЕНИЕ **„ФОТО-АЛЬМАНАХ“** ПОДПИСЧИКИ ДОПЛАЧИВАЮТ 1 РУБЛЬ.

Бесплатная премия вносящим плату сразу за год: **„Календарь-Справочник Фотографа на 1929 год“**; остальным подписчикам — за доплату в 1 рубль.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ

МОСКВА Страстной бульв. 11. Акц. Изд-ское О-во **„ОГОНЕК“**

Музык. Депо — **Тверская 70**

МУЗЫКА В РАССРОЧКУ

ГАРМОНИИ, ГИТАРЫ, МАНДОЛИНЫ, БАЛАЛАЙКИ, ГРАММОФОНЫ, ВЕЛИКОРУССКИЕ ОРКЕСТРЫ

Москва, Тверская, 70. МУЗ. ДЕПО Д. В. ДИСТЕЛЬ. Телеф. 4-43-87.

Прейс-курант и условия рассрочки высыл. за три 10-коп. марки, влож. в конверт.

ЗАДАЧИ с подробными решениями предлагавшиеся на конкурсных экзаменах в ВУЗ'ах и ВТУЗ'ах

АЛГЕБРА 524 задачи проф. Я. Безиковича, ц. 2 р. 25 к.

Геометрия и тригонометрия Проф. Делоне и проф. Житомирского. 719 задач, 349 черт. 352 стр. Цена 4 руб.

Рекомендуется связанный с задачником удобный при самостоятельной подготовке.

Курс алгебры профессора Я. Безиковича ч. I 320 стр., 61 черт. Ц. 1 р. 70 к. „ II 372 „ 59 „ „ 1 „ 50 „

ЧЕТЫРЕХЗНАЧН. ТАБЛИЦЫ ЛОГАРИФМОВ с таблицами физических величин. Ц. 50 коп. Налож. плат. на 20 к. дороже.

Научное Книгоиздательство Ленинград, Внутри Гост. двора, 118/0.

ПОСЛЕДНЯЯ МОДА ПАРИЖА! ОЖЕРЕЛЬЕ из ЖЕМЧУГА франц. типа **„КЕПТА“**

искусств., массивн., тяжеловесн., не бьющ., не отличат настоящ., 42 см., с серебр. замк. — 9 руб., 50 см. с серебр. замк. — 11 р., 65 см., с серебр. замк. — 14 р. 130 см. — 23 р., 150 см. — 27 р., 170 см. — 31 р.

СЕРЬГИ франц. типа „КЕПТА“ серебр., последн. модн. фасон. — 4 р. 65 к. Упаковка, пересылка и страховка посылки бесплатно. Высылаю наложен. платежом.

Имеется много благодарностей.

Ленинград 40. Пушкинск. 10. кв. 66. А. В. Штейн

ПОЛЬЗА об'явлений в «ОГОНЬКЕ» ГАРАНТИРОВАНА исключительным тиражом журнала

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

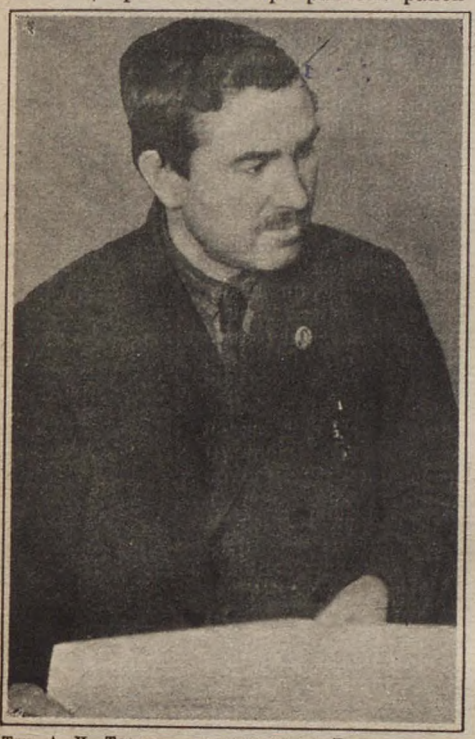
ОГОНЕК

№ 5 (305). 3 февраля 1929 г.

ОО-154-ХЧ

НА БОРЬБУ С НЕГРАМОТНОСТЬЮ

Широко развернул работу по ликвидации неграмотности Бауманновский район Москвы, организовав при райкоме районный совет по ликвидации неграмотности и втянув в работу все партийные, комсомольские, государственные, профсоюзные, кооперативные и общественные силы района.



Тов. А. И. Титов — председатель Бауманновского Райсовета Раб. и Кр. Деп. и председатель Совета по ликбезпоходу

Из 17.000 неграмотных и малограмотных к обучению привлечено 11.500 человек. Социальный состав обучающихся: рабочие и работницы на предприятиях, служащие в учреждениях, кустари, домашние работницы и хозяйки.

Образовано 1.105 групп на предприятиях, по жилтовариществам.

Для организации и проведения работы в этих группах привлечено 215 организаторов, из которых 73% партийцев и 27% комсомольцев.

Обучают неграмотных и малограмотных 1.400 ликвидаторов, большинство из которых прошло подготовительные курсы. Из них 590 членов ВЛКСМ, 59 членов ВКП(б), 9 пионеров, остальные — беспартийные.

Нужны новые и новые силы. Работники устают, нужна смена, требуются свежие силы. Не охвачена еще вся масса нуждающихся в обучении, не все трудности и препятствия преодолены. Нужны помещения для школ и детских комнат, нужны учебные пособия: доски, учебники, тетради, карандаши и пр. Нужны средства. Из 50.000 руб., обусловленных по договорам с профсоюзами, внесено лишь 7.000 рублей. Промкооперация же никак еще не может договориться. И штаб Бауманновского ликбезпохода бьет в набат; всеми силами удерживая темп начатой славной работы ликвидации неграмотности, продолжая и углубляя ее. Для правильного ведения обучения образована методическая комиссия, под руководством которой ведутся занятия, издаются методические листки, бюллетени и пр.

Для привлечения обучающихся, для заинтересованности их и для закрепления полученных знаний устраиваются экскурсии в музеи, на фабрики и заводы. С первого декабря прошлого 1928 г. произведено 213 экскурсий с количеством в 5.325 экскурсантов. Главнаука дала разрешение на устройство 600 бесплатных экскурсий.

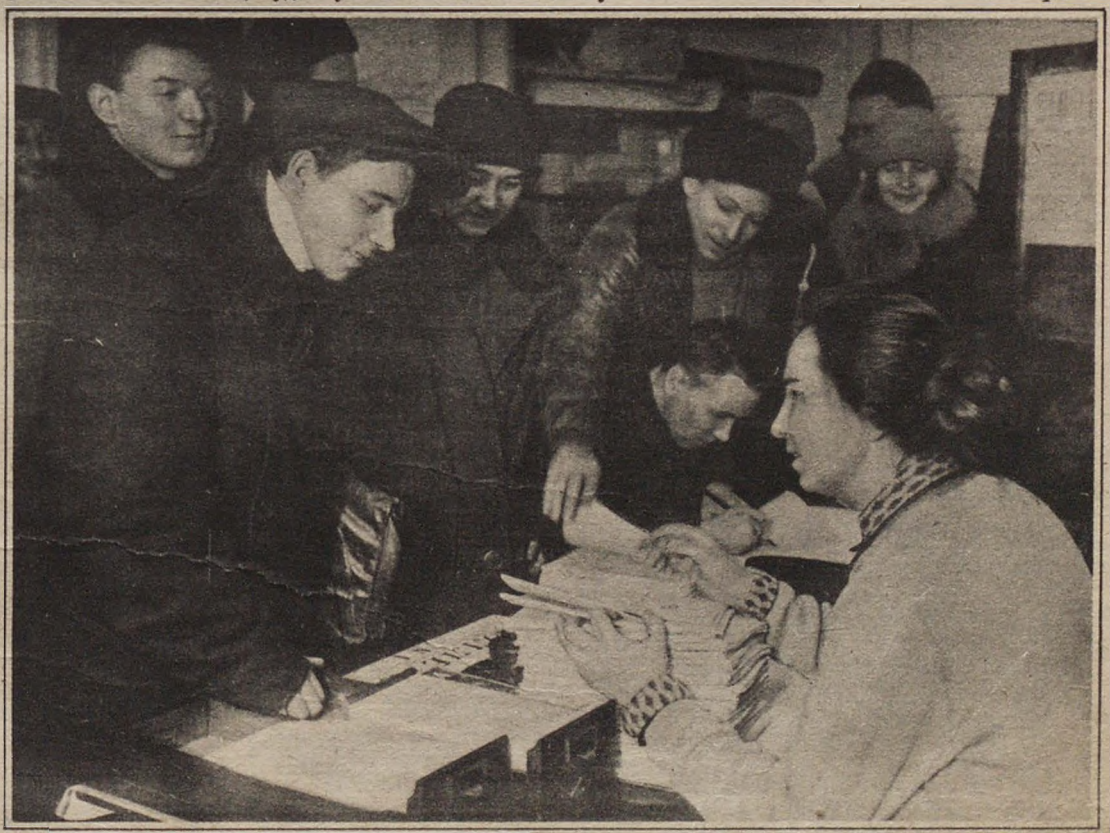
Для обучающихся устраиваются лекции, спектакли, вечера за грамоту, кино и др. полезные развлечения.

Руководители Бауманновского ликбезпохода отлично сознают, что ими проделана лишь часть работы; мало обучить грамоте, необходимо закрепить знания, чтобы не произошло рецидива безграмотности.

Группа обучающихся работниц фабрики им. Щербакова, Бауманновского района

Опыт Бауманновского ликбезпохода, несомненно, будет учтен и ляжет в основу дальнейшей работы для окончательной ликвидации неграмотности в СССР.

В. Строев



В методической комиссии Бауманновского Совета ликбезпохода т. Д. С. Эменова делает методические указания и раздает учебники ликвидаторам

ОКНО В МИР

Кулидж отправляется на покой. Послушный ставленник американских банкиров Кулидж передает свои полномочия Герберту Гуверу. При нем капиталисты могли спокойно и без помех проводить свою импе-

риалистическую политику, и С.-А.С.Ш. беспрепятственно заняли первое место в ряду воинствующих буржуазных держав.

Теперь Кулидж возвращается к своей прежней деятельности юриста и открывает юридическую контору совместно со своим сыном.

На нашем снимке: сын Кулиджа и вывеска на дверях будущей его квартиры — „Кулидж и Гемоней—Юридическая контора".

■

Коммунист, который осмелился выступить по радио. У нас в СССР это явление весьма распространено, и никто не стал бы ему удивляться. В Германии же это противоречит миропониманию социал-демократов

и считается совершенно недопустимым. Исключением из общего правила является коммунистический депутат ландтага, секретарь комиссии по сбору подписей о всенародном голосовании — Карл Шульц-Шерлинский (см. портрет в овале), произнесший по радио речь о необходимости требования всенародного голосования против постройки броненосцев.

Как известно, эта речь смогла быть произнесена только благодаря остроумной выходке трех товарищей коммунистов, возивших социал-демократа Шварца на автомобиле по Берлину, в то время как вместо него выступил Шульц. Германская пресса до сих пор не может забыть этого „оскорбления" и не перестает требовать жестокого возмездия „дерзким захватчикам". В настоящее время Шульц-Шерлинский арестован и предан суду.

■

Обвинен в социализме. Английский газетный король — лорд Ротермир — с гордостью об'являет о том, что он уже 20 лет борется против социализма, и обвиняет нынешний

консервативный кабинет, возглавляемый Болдуином, в социалистическом уклоне. Впрочем, Болдуин и его главный соперник Макдональд спешат представить как можно больше доказательств своей непричастности к социализму. Так, Макдональд усиленно молится богу за здравие короля Георга V, а Болдуин недавно преподнес главе английской церкви, архиепископу Кентерберийскому, по случаю его отставки, 145.000 рублей в качестве „подарка от верующих".

На снимке: Болдуин.

■

Собачий миллионерш. Крупные города Северо-Американских Соединенных Штатов тянутся ввысь. Бешеных денег стоит каждый клочок земли в центре города. Улиц нехватает. В Нью-Йорке на долю улиц и площадей приходится всего 35% площади города. Недавно в Нью-Йорке начата

постройка рекордного по высоте 68-этажного здания. А между тем две выживших из ума американских старых девы ни за какие деньги не соглашаются расстаться с принадлежащим им на 5-й улице, самом оживленном квартале Нью-Йорка, двориком, расположенным между двумя небоскребами, так как двор им совершенно необходим для „прогуливания"... двух комнатных собачек.

■

Английские „утехи" в Афганистане привели к жестокой кровопролитной войне между старыми, реакционными элементами и новой культурой, насаждаемой Аманулой. Английские чиновники сделали

все, что от них зависело, чтобы оправдать оказанное им английскими капиталистами

доверие, и не останавливались перед предательством и насилием.

На наших снимках: английский чрезвычайный посол в Кабуле, сэр Фрэнсис Хэмфрей; ниже—Аманулла со своим братом Инаятуллой.

■

Зубная боль короля Александра югославского была так жестока, что он вынужден был совершить утомительное путешествие из Загреба в Па-

риж и долго совещаться там с Думергом и Брианом. Странный зубной недуг исчез только после того, как Александр, вернувшись из Парижа, выполнил советы парижских врачей и переделал конституционное государство в самодержавную монархию, охранять которую поставил старого жандарма—генерала Живковича.

■

Жили по луне. До сих пор в Китае время исчислялось по старинному лунному календарю. Год был разбит на лунные месяцы, не существовало

деления месяца на недели. И только теперь гоминдан пытается ввести солнечный календарь и дни отдыха (один раз в неделю) для рабочих, что до сих пор в Китае не существовало.

На снимке: пропаганда нового календаря в Пекине.

■

Вышел в свет № 3 журнала **„Советское Фото"**. Среди разнообразного технического и руководящего материала фотолюбитель найдет в номере статьи: на сезонную тему—„Зимняя экипировка фото-любителя"; по изобретательству—„Прибор для проявления на свету" и „Что сделать самому". Для начинающего фотографа журнал с этого номера возобновил статьи „Шаг за шагом" из цикла „Беседы с начинающими". Как всегда, в номере имеется материал—„Как работать в фото-кружке", обзор „По иностранным журналам" и статья о спортивной фотографии. Кроме иллюстраций в тексте, в номере имеются четыре иллюстрации страничных, исполненных способом мецо-тинто. Особым сообщением в журнале редакция извещает своих читателей, что с 3 февраля, по воскресениям, от 17 до 18 часов ею будут вестись по радио „Практические беседы по фотографии".

■

Анатоль Франс, увлекательный повествователь, дает в

„Сказках" блестящие образцы своего творчества. На фоне старых легенд он вышивает

Экспортируем тигров. В Советском Союзе, в лесах далекого Уссурийского края, водятся тигры. Уссурийский тигр гораздо крупнее своего индийского сородича. Вес его достигает

500 кг. Продукты охоты на тигров вывозятся в Китай. Шкуры расцениваются в 500—800 рублей и идут на мех, а мясо, кости и внутренности употребляются на изготовление китайских лекарств.

На нашем снимке: партия тигровых шкур, костей и сушеного мяса, приготовленная Хабаровским охотсоюзом к отправке в Харбин.

В „Библиотеке Огонек" в переводе М. С. Смелянова вышли „Сказки" Анатоля Франса. Эти маленькие шедевры мировой литературы читаются с захватывающим интересом.

■

В „Библиотеке Огонек" вышла книжка **Михаила Беннера** „Ленин в художественной литературе". Автор составил интересный сборник, подобрав материал как из положительных, так и из отрицательных образов Ленина в художественном изображении. В своем предисловии, предпосланном этой книжке, А. В. Луначарский говорит, что в этом интересная особенность предлагаемой читателю брошюры, ценность, увеличивающаяся оттого, что комментарии автора всегда исходят из правильных точек зрения и дают материалу правильное критическое освещение". Книжка, безусловно, полезна, так как она дает возможность читателю ознакомиться и разобраться со всем тем, что дала нам художественная литература в области изображения Ильича.

■

Вниманию подписчиков „ОГОНЬКА"

Книги сочинений А. П. Чехова № 1 и № 2 (за январь месяц) будут разосланы в начале февраля с. г.

ПЛАКАТЫ И КРЕТИНЫ

Очерк *Д. Заславского*

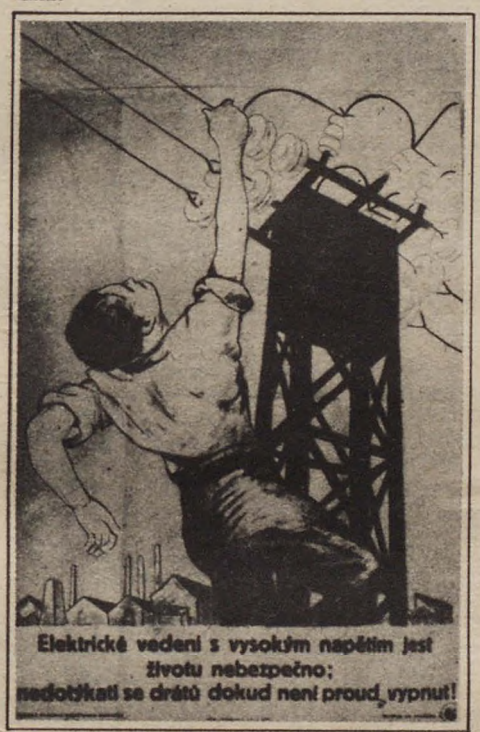
Затрачиваются огромные деньги, работают тысячи людей и специальные учреждения, привлекаются последние достижения научной мысли,—все для того только, чтобы на одну секунду, не больше, задержать внимание обыкновенного среднего прохожего на улице большого американского и европейского города. В бешеной сутолоке этого города, в сумасшедшем мелькании поездов, моторов, экипажей, людей, вывесок, огней — человек тупеет, делается равнодушным ко всему окружающему. И вот надо, чтобы он на одну секунду, не больше, задержался глазами, улыбнулся, заинтересовался. Это — дело плаката, и давно прошло время, когда плакат был предметом вольного искусства, художественного вдохновения. Есть наука плаката, плакатология. Это, собственно, часть науки о человеческом внимании, специальный и важный отдел психотехники.

Дорогу к плакатологии проложила коммерция. Купец был пионером. Торговый плакат до сих пор не превзойден в силе и выразительности. Но вслед за ним идут и плакаты другого рода, и в первую очередь плакаты безопасности. На большой картине изображен станок, злобно лающая собака и рабочий с окровавленными пальцами. Подпись говорит: „Чужая машина злее чужой собаки". В современном городе машины сменили злых собак. Машина—друг человека, но только своего и внимательного человека. Для рассеянного провинциала машины—это стая собак, готовых вцепиться в него при первом удобном случае. Надо и на улицах, а в особенности на заводах, задержать внимание рабочего. Это делает плакат по безопасности. И для того, чтобы он достигал своей цели, возникла совсем молодая наука плаката. Она изучает все особенности профессии именно с этой, психотехнической точки зрения. Она имеет свою литературу, своих собственных увлеченных и преданных работников и даже собственных кретинов.

Техника плакатов по безопасности труда делает свои первые, но вполне успешные шаги и у нас, в СССР, и выставка советских и иностранных плакатов, организованная Государственным научным институтом совместно с Музеем охраны труда и открывшаяся в Центральном музее охраны труда и социального страхования, заслуживает самого широкого внимания. Это очень интересная выставка. Она дает больше того, что обещает ее афиша. В плакатах различных стран отражается быт. У этих плакатов есть свое классовое лицо.

Соединенные Штаты стоят на первом месте по высоте техники, по художественному совершенству, но также и по умению скрывать классовые разделения в обществе. Американский плакат „общенационален". Он избегает всяких указаний на производство. Герой плаката не рабочий, а обыватель. Плакат ставит своей задачей развивать не профессиональные, а общие навыки внимания и осторожности. Центр тяжести плаката в графике, а не в словесной морали. Рисунок скуп и выразителен. Что чрезвычайно интересно и характерно для американской культуры,— плакат не запугивает страшными изображениями. Он смешит. Пострадавший—всегда неудачник, ротозей, простофиля. Американский капитал не допускает трагедии ни на заводе, ни в жизни.

Избегает драматических моментов и высоко художественный английский плакат. От американского его отличает литературность. Плакат заполнен изречениями, народными пословицами. Он цитирует даже Шекспира. Как и в Америке, плакат избегает чисто производственных мотивов. Капиталист не желает изображать завод и фабрику, как вместилище опасных машин.



Чешский плакат: „Электрические провода под высоким напряжением опасны для жизни. Не прикасайся к ним!"

Иного типа германский плакат. В нем значительно сильнее отражен классовый и производственный момент. Его герой—рабочий. Окружение—крупного завода. На плакатах: кровь, страдания, смерть. Германский плакат ставит своей задачей устрашение рабочего. Он показывает рабочего на капиталистическом предприятии. Эта разница в мотивах плаката не случайна. В Соединенных Штатах и Англии изданием и распространением плаката по безопасности труда заняты капиталистические общества. В Германии сказалось влияние профессионального рабочего движения.

Советский плакат еще не выработал своего собственного лица. Он учится преимущественно по германским образцам, проникнут производственными мотивами. Художественная сторона слабовата. Советский плакат, однако, быстро растет. У него все данные для того, чтобы догнать и перегнать иностранные, более старые образцы. Уже на прошлогодней выставке в Дрездене советский плакат выделился и обратил на себя внимание.

Среди всяких стран (Япония, Чехо-Словакия, Норвегия и др.) представлена на выставке и Швейцария. Она прислала к нам плакаты и кретинов. Плакаты не представляют ничего выдающегося, довольно заурядны. Кретины зато замечательные: неподражаемые образцы научного буржуазного кретинизма.

Организаторы выставки обратились ко всем иностранным учреждениям, ведающим делом охраны труда, с просьбой прислать плакаты. Культурные задачи выставки говорили за себя. Откликнулись, как мы видели, американские, английские капиталистические общества, у которых, полагаем, нет оснований питать особые чувства симпатии к Советскому Союзу. Институт обратился и в Цюрих, к страховой кассе и к Гигиеническому институту. Страховая касса выставила свои плакаты, институт выставил двух кретинов: директора фон Гонценбаха и его помощника, доктора Аклина. Письмо этих господ вполне заменяет плакат безопасности при обращении к некоторым швейцарским ученым. Доктор Аклин пишет от имени директора фон Гонценбаха:

> „Профессор фон Гонценбах не является другом большевистской России и поэтому совершенно не интересуется вашими сообщениями. Он не предполагает отвечать на ваши письма. Со своей стороны, я должен поставить вас в известность, что не может быть и речи о посылке вам материалов из нашей коллекции... С совершенным почтением Аклин".

Беды большой в этом нет. Швейцария—страна с неважной промышленностью. Она славится больше своими отелями и многочисленным лакейским племенем, поставляющим выдрессированных хамов во все барские передние Европы и Америки, и еще славится кретинами. Этих несчастных вы встречаете повсюду в Швейцарии. Они свободно ходят по улицам, уродливые коротышки с безобразными зобами, они занимают общественные посты, они даже руководят научными учреждениями в том городе Швейцарии, который для русской социальной гигиены был прочно связан с именем профессора Эрисмана. Этот уроженец Цюриха был одним из отцов научной охраны труда. Царское правительство выслало его из России, и он продолжал свою научную деятельность в Цюрихе,—быть может, в том же Гигиеническом институте, во главе которого стоит теперь ученый кретин, профессор фон Гонценбах.

Д. Заславский

НАШЕ ЗАПАДНИЧЕСТВО

Очерк *А. Луначарского*

Не только мы, коммунисты, еще в те времена, когда назывались социал-демократами, но даже такие предшественники, как Чернышевский и его единомышленники, всегда были западниками.

Мы, конечно, резко противопоставляем себя современному Западу в смысле социального строя. У нас совсем другой государственный порядок, совсем другие основы нашего хозяйства, совсем другие цели. Но надо помнить, что и в этом отношении наш коммунизм является отпрыском Запада, что наш пролетариат, совершивший такую героическую революцию, есть неотъемлемая часть всемирного пролетариата, что ленинизм есть могучая ветвь марксистского древа.

Во Франции некоторые торопливые молодые люди, стремившиеся перебросить мост от своих модернейших воззрений к коммунизму, старались уверить нас и других, будто коммунизм выражает какую-то особенную, чисто русскую сущность, связанную глубокими корнями с Азией. Всю эту ерунду мы должны опровергнуть с самой жестокой решительностью. В нашем социалистическом строительстве мы опираемся на достижения человеческого разума, к которому питаем неограниченное уважение. Наш диалектический материализм есть дальнейшее продолжение роста этого самого разума. Если западно-европейская буржуазия и ее наука не в состоянии итти на вершины этих новых достижений человеческого разума, то это означает только, что интересы буржуазии окончательно вступили в противоречие с самым ростом науки.

Германские ученые (справа налево): Цандер, Матчос и Гесс

Фот. С. Шемиот

Однако непринятие диалектического материализма, как основы научной работы, вовсе не приостанавливает ее целиком. Наш диалектический материализм дает нам возможность вносить существеннейшие поправки в науку Запада, в особенности — в области философии и общественных наук. Но область точного знания и, в особенности, технического применения его, по своему существу не могущая оторваться от достаточно реального материалистического фундамента, продолжает развертываться в Европе и Америке с огромной интенсивностью и приносит все новые и новые плоды, которыми там пользуется буржуазия, а у нас должен воспользоваться пролетариат.

Очень многим ученым Германии, больше всего именно естествоиспытателям и техникам, присуще внутреннее сознание, что они являются внеклассовой величиной. По их представлению, древо науки дает свои плоды по внутренним своим законам, очень мало интересуясь тем, кто, какая нация или какой класс этими плодами пользуется.

С настроенными таким образом учеными нам очень по пути.

Когда наше Общество культуры и техники сделало предложение могучему союзу германских инженеров о посещении Советского Союза выдающимися представителями технической науки Германии и о прочтении ими ряда лекций, оно встретило там чрезвычайно радушный прием, и из этого соглашения выросла „неделя германской техники“, прошедшая с величайшим успехом и при напряженном общественном внимании.

Профессор Оскар фон Миллер—знаменитый организатор Мюнхенского музея по технике и естествознанию, один из крупнейших в мире представителей электротехнической мысли — приехал поделиться своими идеями по использованию водной энергии и по распределению электро-энергии.

Шарлоттенбургский электрохимик Франц Фишер дал сведения о таком важном и специальном предмете, как сухая перегонка при низких температурах, — предмет, которым он специально занимался в последнее время.

Нечего и говорить о том исключительном интересе, с которым наши специалисты должны были отнестись к лекции профессора Берлинской сельскохозяйственной школы доктора Рисса по механизации крупных сельскохозяйственных предприятий.

К области механизации сельского хозяйства относились и сообщения инженера Цандера и приват-доцента Ганса Цернера. Знаменитый вождь германской архитектурной мысли Бруно Таут, бывший уже гостем в Москве, прочел общую лекцию о современной архитектуре, и специально о применении у нас железо-бетонного строительства читал инженер-строитель, профессор Пробст.

Должна быть издана и широко распространена общая лекция профессора Матчоса по истории развития техники. Америка придавала огромное значение установке известной закономерности самой эволюции техники, т.-е. орудий труда.

Германские ученые посетили целый ряд научных учреждений и наших заводов и вынесли из этих посещений весьма благоприятное впечатление. Они признали, что наша промышленность развивается быстрым темпом. Они указали, что и в нашей науке, близко примыкающей к промышленности, и в самом применении ее выводов на практике имеются вещи, которые могут заинтересовать и немецких ученых, и немецких техников. Решено было продлить столь благотворное общение — создать общий технический журнал, установить обмен профессурой и обмен техническими работами. Заключен крепкий и прочный союз.

Не могу не отметить, что в многочисленных беседах, которые шли между представителями советской технической мысли и представителями мысли немецкой, протянуто было множество нитей. Затрагивались важнейшие вопросы, — между прочим, и вопрос о типе инженера, который надо вырабатывать в связи с тем периодом мутаций, с той постоянно происходящей рационализацией промышленности, которые мы отмечаем сейчас во всем мире. Не могу не отметить с удовлетворением, что точка зрения, которой держалась вся коллегия Наркомпроса и я лично, что нам надо вырабатывать инженера с широкой научной подготовкой, способного благодаря этому фундаменту применяться к последующим изменениям техники, и рядом с этим—техников в собственном смысле, т.-е. кадры специалистов средней квалификации,— эта точка зрения была полностью поддержана немецкими учеными. Конечно, это не значит, что мы отказались от мысли и у нас, в РСФСР, попытаться создать в некоторых областях тип так называемого узкого инженера, подготовка которого занимает столько места на Украине. Но мы должны все же твердо держаться за то, чтобы не снижать широкой научной подготовки основного нашего инженерного кадра, а с другой стороны — ни в каком случае не делать попытки к искусственному приближению техника к инженеру. Дело тут совсем не в каком-нибудь кастовом духе, не в каком нибудь аристократизме; дело в ясном и четком разграничении между высшим и средним командным персоналом промышленности, которое вытекает из самой сущности дела. Было бы нелепо в настоящее время терять силы; если бы мы давали широкую научную базу всему нашему среднему техническому персоналу, это означало бы выбрасывать большие деньги на ветер. Но было бы не менее тяжелым ударом для всего нашего будущего, если бы мы вследствие этого снизили подготовку инженеров в собственном и строгом смысле слова до уровня практика, хорошо выполняющего ту или другую специальную функцию.

Позволю себе еще одно замечание. В Москве еще и сейчас идет фильма „Саламандра“, к выработке сценария которой я имел некоторое отношение. В германской прессе раздались голоса, что я направил этот кино-памфлет против германской науки и что она может чувствовать себя задетой в этом отношении. С величайшим негодованием отвергаю такую облыжно-навязанную мне мысль. Конечно, ни одно художественное произведение не может быть таким трактатом, который охватывает все стороны той или другой проблемы; но я имел в виду вовсе не борьбу с наукой, немецкой или какой-нибудь другой, а борьбу с темными силами, которые в последнее время все чаще и чаще хватают живую науку своими цепкими пальцами. Разве мы не видели, какие размеры приняло антидарвинистское движение в Америке? Разве мы не видим в Европе ряда процессов, в которых явно сказывается влияние остатков средневековщины, возрождающейся вследствие нынешней классовой конъюнктуры и мстительно обрушивающейся на свободных ученых и художников, сбрасывающих с себя и с человечества те или другие путы предрассудков. Немецкие фамилии и кое-какие внешние намеки на немецкую среду в „Саламандре“ являются чисто случайным одеянием. Можно перенести действие в любую другую европейскую страну, и даже с большим правом. Немецкий костюм оказался здесь совершенно случайным. Считаю необходимым подчеркнуть это, чтобы не плодить недоразумений между мною и представителями германской науки, о трудах которых и в прошлом, и в настоящем я сотни раз высказывался с великим уважением и восторгом.

А. Луначарский

ЭРИВАНЬ—БАТУМ

Путевые наброски *Панаита Истрати*

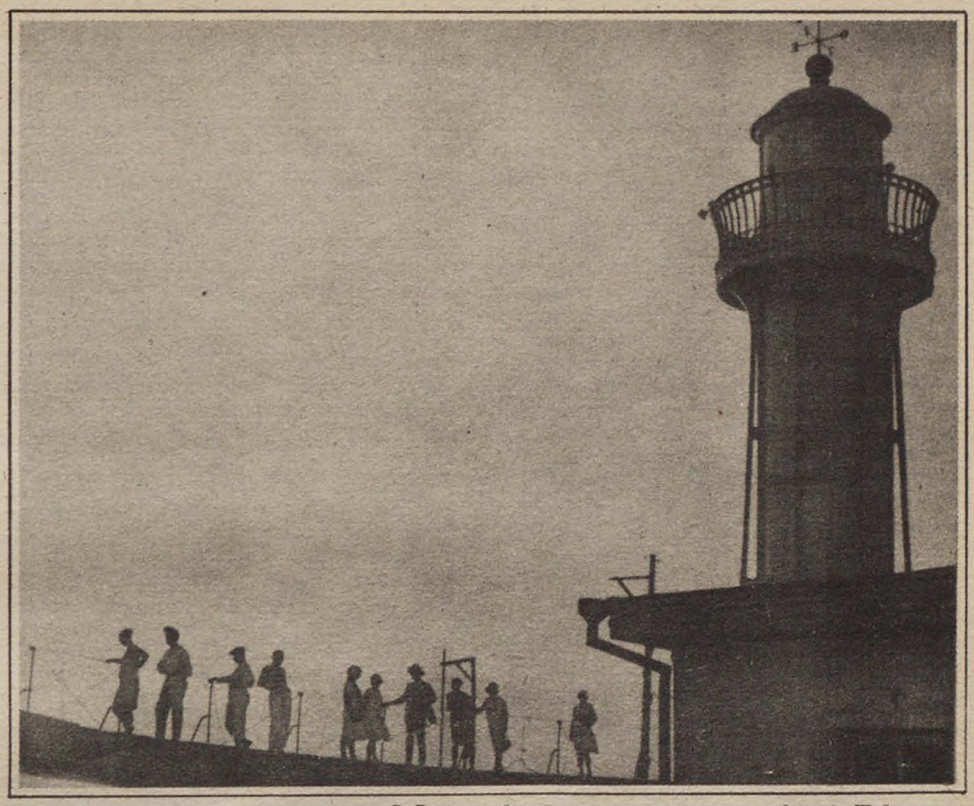
Эривань. Много лет тому назад я видел на старом пергаменте персидскую миниатюру: молодая женщина,—сросшиеся брови над темными, продолговатыми глазами,—лежит на берегу ручья цвета бирюзы. В одной руке у нее ярко-желтая канарейка, в другой—яблоко цвета крови. Сегодня, прогуливаясь по берегу реки, я вздрогнул от неожиданности. Передо мной знакомая мне персидская миниатюра. Эривань расстилается по берегу реки, украшенному цветами осени.

Пышные абрикосовые деревья осыпаны цветами, цвета желтой канарейки, и спускаются по пологому склону, вплоть до изумрудной реки, а по ту сторону ее взбираются на гору, на Ласточкину крепость, и доходят до стены сардарских бойниц. По земле раскинуто золото.

Как долго тянется осень в этом году по всему Кавказу, не желая расставаться с ним! Я видел, как она родилась однажды вечером в тифлисских садах, я видел ее в Боржоме, в каштановых рощах, среди берез и дубов, я следовал за ней по горам Имеретии и Мингрелии, и в жаркой долине Алазана. Я пробирался за нею в багровых виноградниках Кахетии, и вот теперь она все еще здесь, склонившись над водою реки, любуется, как большой золотой павлин.

Поднявшись до самого высокого места широкой шоссейной дороги, которая окружает столицу Армении, я внезапно увидел залитую лучами заходящего солнца Эривань и не смог удержать восторженного возгласа: я увидал базар с толчеей ослов и груды фруктов, я увидел маленькие узкие улицы, залитые синей тенью, и надо всем этим скопищем, над убогими полуразрушенными домишками, отмеченными печатью восточной нечистоплотности,—бирюзовый купол, гордый и острый, как шлем воина.

Мой товарищ—Ашот Цопаниан—становится нетерпеливым. Все эти „эстетические наслаждения“ кажутся ему потерей времени, и даже больше—преступным расточительством тех минут, которые даны нам для построения социализма на земле. Он любит искусство, но искусство революционное, массовое, побуждающее к коллективному творчеству, братству пролетариата. Он слагает пролетарские стихи, он бледен, и глаза его горят. Я запомнил только первую строчку одного из его стихотворений: „автомобили, тракторы и радио“.



В Батумской гавани Фот. А. Шайхета

Чайные плантации, камфарные деревья, финиковые пальмы, бамбуки, молодые мандариновые деревья, согнувшиеся под тяжестью золота, японские курмы, лишенные листьев и отягощенные красными лакированными плодами. В середине декабря нежное и настойчивое солнце прогревает спину, у ног плещется теплое синее море, а вдали, на фоне прозрачного горизонта, высятся недоступные таинственные и спокойные в холодном величии гигантские вершины Кавказа. Это Батум. Я хожу по звонкому песку в тропическом саду и чувствую даже сквозь бананы и магнолии ласковые и волнующие вздохи моря.

В окрестностях Батума два года тому назад находился большой мандариновый сад. Теперь маленький, очень умный, юркий инженер, с пламенными глазами, взобравшись на камень, показывает широким жестом на чудесное перевоплощение: все мандариновые деревья выкорчеваны. Только два из них остались стоять, погрузив ствол в белую кашу извести; повсюду суетятся рабочие, устанавливаются огромные железные фермы, подвозятся машины, встает одетый в железобетон новый нефтерафинажный завод. Целый год работает здесь 600 человек. В конце зимы если не помешают дожди, работы будут закончены.

Инженер говорит:

— Мы провели второй трубопровод из Баку в Батум, на расстоянии 840 км. Мы истратили на это 40 млн. рублей, но сэкономили гораздо больше. Мы перевозим ежегодно 150 млн. пудов нефти — 120 млн. по трубопроводу и 30 млн. по железной дороге; транспорт одного пуда по железной дороге стоит 22 коп., а по трубопроводу $4^1/_2$ коп.

Он счастлив и говорит безумолчно:

— Все в железобетоне, все в железе, быстрота, экономия, экспорт.

Мне хочется подразнить его немножко, и я говорю ему:

— Товарищ инженер, а вам не жалко было мандариновых деревьев? Вы их срезали, когда они были в цвету.

Его губы скривились в насмешливую улыбку. Он сказал:

— Ох, мандарины в цвету, это старые сказки. Вот наша весна. И, протянув руку гордым жестом, он указал мне на строящийся завод, на машины и на армию рабочих.

Проезжая по СССР, я часто испытывал одно и то же чувство. Шаг человечества слышен здесь более четко. Окровавленное животное начинает пробивать дорогу к человеку. В СССР впервые за историю мира человек сделал шаг вперед. Он перешагнул за грань, отделяющую его от зверя, и рот его очистился от крови. Он начинает видеть поверх географических границ и классовой розни красную зарю нового человечества.

Панаит Истрати

Эриванская гидро-электрическая станция

СТИХОТВОРЕНИЯ ШАРЛЯ ВИЛЬДРАКА

Шарль Вильдрак был недавно нашим гостем. Он — друг нашей страны, один из лучших и чистейших лириков современной Франции. Он принадлежит к той группе ее писателей, в которой находятся Дюамель, Ж. Ромен, Л. Дюртен, Р. Аркос, недавно умерший Ж. Женневьер. Когда-то их называли группой „Аббатства“, о которой в № 16 „Огонька“ за 1927 г. писал Жорж Дюамель. Вильдрак был одним из ее основателей.

Группа, при всей разности талантов, склонностей и приемов, была об'единена стремлением двойного порядка: ее писатели противопоставляли лично замкнутой, эгоцентрической литературе — литературу общезначительную, социально-важную, — „общную“, „унанимистскую“, как именовал ее Жюль Ромен. Но в то же время они хотели не потеряться в крикливоети, площадности, реторике, обычной для такого рода движений в литературе; они хотели показать „общее в личном“, поднять интимность лирики до той высоты, когда она может об'единить многих, и когда ее появление становится отражением внутреннего мира каждого читающего ее. Эта задача трудна, часто противоречива, требует большого кругозора, такта и мастерства. Унанимисты дали ряд превосходных произведений, но часто и срывались.

Вильдрак оступался реже других, так как он самый лиричнейший из лириков „Аббатства“. Он пишет немного, медленно, трудно. Ему всегда веришь. Заразительность его поэзии, его прозаических миниатюр, его лирических пьес—велика. У него есть этот дар—сделать личное общим. Его стихи, маленькие пьесы, страницы его прозы читаешь, как „свои собственные“. Он никогда не напрягает голоса, но его „шопот“ так ясен и отчетлив, что слышен далеко. Он меньше всего питает пристрастье к декоративным людям, к героям в ковычках, к „громам и молниям“. Его ласковость и сочувствие — к каждому, к жизни, как она есть в существовании миллионов. Этот дар делает из читателя верного друга Вильдрака.

1. Песня

Она пришла на влажные ступени,
Пришла и села.

И ласковую голову склонила
Немного на бок.

И сложенные руки задремали
В ложбине юбки.

И скрещенные ноги приподняли
Носок к небу.

Как мог он не задеть их, идя мимо,
Как мог не видеть?

Не видеть этих рук, зовущих ближе,
Чтоб быть с ней рядом,
Средь фарандол, где, даже обессилев,
Еще кружишься?

Не видеть этих плеч,
Просящих скрыть их
Под нежной талью?

Тогда-то захотел он увидеть губы,
И вот — начало.
Тогда-то захотел он взглянуть в глаза ей,
И вот—причина.

2. Идут и дни, и годы...

Идут и дни, и годы, —
А я все пою, пою...

Я напеваю песню,
В песне печаль и радость, —
В песне смеется горе,
И смех в песне грустит.

Это хмельное веселье
Свеже срезанных веток, —
Веток в зеленых листьях,
Грузно упавших в пруд.

Это полет снежинки,
Грезящей, закружившись
Падающей, исчезая
В снежную пелену.

Это средь летнего сада
Рыдающий смех слепого,
Прижавшегося к цветам.

Это—отзвуки плясок,
Эхо детских веселий,
Прыгающих меж морил.

Это—вечная горечь,
И вечная сладость странствий,
Полных любви и смерти,
Как странствует пилигрим.

Полный любви и смерти,
Так я пою, пою.

Это мое богатство,
Мой нерушимый жребий —
Из сердца стремить упорный
И неслабеющий луч:

Этот луч просветленья —
Над каждым людским несчастьем.

Шарль Вильдрак

Этот луч состраданья —
Над каждым счастьем людским.

3. Мой враг умер

Мне говорят, он умер.
Мы издавна были врагами,
Он причинил мне рану,
Которая вчера еще ныла.
Но вот уже час, как нет ее,
И я знаю, она отныне —
Лишь глухое воспоминанье.

Я не ходил к знакомым,
Где мы могли друг друга встретить.
Завидев его издалека,
Я переходил на другую сторону.
Когда случалось называть его имя,
Мой голос дрожал немного.

Мне говорят, он умер—и вот я тоскую.
Ибо даже горчайший из всех плодов твоих,
О! жизнь,—все-таки плод твой!

И потом: игры ветра могут
Столкнуть остриями друг друга
Среди ржи два соседа—колоса: —
Но разве ж они—не всходы
Одного и того же года?
И разве же они не связаны
Одним и тем же событьем,
Принимая те же заботы, страдая от тех же тягот?
И разве же каждый из них не есть отраженье другого,
Его грань и его история?

4. Продолжение

На каком дереве вечера станет, незаприметенная,
Искать сна и убежища та перелетная птица,
Удаляющаяся, исчезающая,
Ударяющая, как гребец, по тяжкому белому небу?
Камень, горячий солнцем,
Который в игре и в гордости
Я метнул в глубокую воду,—
Сколько дней и годин
Будет он ждать отныне
Послушным невольником водорослей,
Чтобы некий бог вновь пересоздал вселенную?

Ребенок давнишних лет, которого я, ребенком,
Заставил заплакать с испуга, —
Помнит ли он об этом?
Жив ли он еще?
Или же след его слез
Только здесь, в моем сердце?

5. Песнь пехотинца

Я хотел бы быть стариком,
Сидящим на знойной дороге;
Прямо под солнцем, в пыли,
Он дробил свой белый булыжник
Между раскинутых ног.

Он не нужен был никому,—
Он должен был только работать.
Когда полдень пылал над полями,
Он жевал в тени свой хлеб.

* * *

Я хотел бы быть слепцом,
Просящим на паперти церкви.

Он поет в своей звонкой мгле!
Он полно вбирает время,
Которое в нем несется,
Как свежий воздух меж стен.

Ибо он — счастливый обломок,
Извлеченный из гнилого потока,
Бессильного дальше нести его
В своей ненависти и грязи.

* * *

Я хотел бы быть
Первым солдатом, павшим
В первый день войны.

Перевел *Абрам Эфрос*

ОДЕССКИЕ КАТАКОМБЫ

Очерк *Д. Маллори*

Перед нами замечательная папка 1796 г., адресованная: „Правящему в Одессе должность городничего, господину секунд-майору Кирьякову".

Год создания Одессы был четвертый. Затихали раскаты Великой французской революции.

И в ордерах то и дело встречаются приказания „по секрету":

„За освобождающимися из карантинов иностранными, особливо прибывшими из сторон Турции, Молдавии французами, поляками и других наций в Одессе остающимися, рекомендую вам секретным и неприметным образом наиприлежнейшее иметь замечание и разведывание о тех их поступках, упражнениях и разговорах, нежели усмотрите в каком подозрении и разглашении каких-либо вредных слов, клонящихся до нарушения покоя и тишины, таковых тотчас брать под арест, а меня в ту ж минуту рапортовать".

Большой интерес представляет „такса продающих в Одессе в 1796 году разных съестных и других припасов, по какой цене значить".

Такса, действительно, изумительная, вызывающая зависть в чисто Олешевских масштабах. Судите сами:

„Витчины фунт — 10 копеек, говядины фунт—3 копейки, баранины—4, мыла—14, масла коровьяго фунт — 14 копеек, постного—12, икры паюсной фунт—20 копеек, подошев (подошв) одна пара хороших — 35 копеек, под-средственных—25 копеек".

В этих же ордерах 1796 года и ранее неоднократно упоминается, что камень для постройки нового города следует „рыть исподволь", снизу, так как город „стоит на каменном месте".

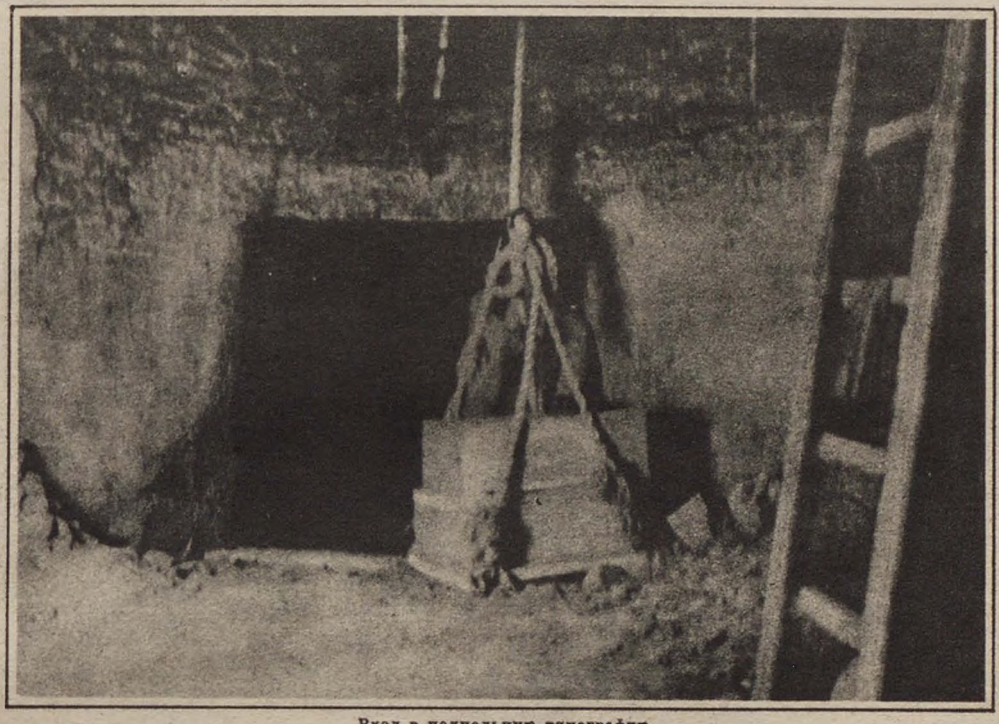
Таким образом создавались нынешние одесские катакомбы. Город рос из себя. Когда строитель города де Волан взялся за работу, он извлекал камень для построек из недр. Дерева вокруг не было. Строили только из камня. Потом горожане рыли во дворах уже погреба, мины, где хранили колониальные товары, особенно вина и канифоль, которыми так была богата Одесса во времена „порто франко".

Катакомбы — это старые каменоломни. Точная длина одесских катакомб не известна, так как они идут переплетаясь под всем городом, но она, во всяком случае, не менее 500 км.

Катакомбы заложены на значительной глубине—6—7 м. Существенного влияния на домостроение они не оказывают. Выходы катакомб обычно устраивались на берегу моря или же в виде колодцев на поверхности земли. Нет ничего, конечно, удивительного и в том, что катакомбы использовывались в приморском городе контрабандистами, что и дало, конечно, пищу тем многочисленным легендам, которые, переходя из поколения в поколение, обрастали новыми „тайнами".

Все прославленные потом одесские магнаты—известные всей стране богачи Ралли, Маразли, Родоканаки, Анатра, Петрококино, Маврокордато—обязаны своими огромными богатствами именно тем, что предки их занимались контрабандой в Одессе.

Об этом знали все—и благородное купечество, и сами основатели Одессы,—но золото закрывало всем рты.



Вход в подпольную типографию

Так богатела Одесса. На месте нынешней лучшей гостиницы на Одесском бульваре стояла гостиница для приезжих иностранных купцов. Сюда заманивали красивых женщин, исчезавших затем бесследно в катакомбах. Гостиница была соединена подземными ходами с морем. Лет 60 тому назад провалилась мостовая у дома № 2 по Театральному переулку, около Приморского бульвара. Через открывшееся отверстие видна была большого размера комната, прекрасно убранная коврами, мебелью. Там же стояла телега. Это убежище было соединено с другими домами богача контрабандиста Ралли.

Но и отбрасывая всякие, никому теперь не интересные, легенды, конечно, нельзя отрицать, что катакомбы, целые улицы под Одессой, не могли не служить пристанищем для контрабандистов. Впоследствии в катакомбах собирались масоны. В глубине

Каменоломни в одесских катакомбах

пещер, искусно скрытых от чужих глаз, собиралась масонская ложа под покровительством самого графа Петра Разумовского, одного из последышей знаменитого рода фаворита „веселой императрицы".

Там, где теперь рабочая окраина, когда-то высился великолепный дворец гр. Разумовского. Он „жил тогда в Одессе пыльной, где долго ясны небеса". Из дворца вели ходы в катакомбы и устроено было роскошное помещение для масонской ложи.

В пещерах не раз собиралась и пылкал молодежь того времени, времени Пушкина и Байрона, на совещания о помощи греческому восстанию 1823 г.— „Восстань, не Греция, она уже восстала, но ты, душа моя, скорей, скорей восстань!" — долго еще распевала молодежь старой Одессы байроновские строфы.

Верно ли, что в подземельях сокрыты сказочные богатства турок, зарывших свое золото здесь после взятия Хаджибея, что здесь богатые клады одесситов, бежавших в свое время от чумы, что здесь золото контрабандистов, что здесь несметные богатства, которые только ждут своих искателей? Вероятно, все это область легенд. По крайней мере, в свое время воспетый Бабелем Беня Крик, Беня—король Молдаванки,—попросту ловкий бандит Мишка Япончик,—лично уверял меня, что „катакомбы через него все чисто обысканы, и если бы что было, так неужели его люди не нашли бы". Он говорил мне, что „это все больших глупостев", и что теперь только скелетные кости да жестянки из-под консервов валяются в подземельях.

В дни французской оккупации, в 18-м г., в годы интервенции одесские катакомбы сослужили свою службу,— они служили революции. В одесском Истпарте вы найдете снимки подпольной типографии „Коммуниста"—в катакомбах.

„Незваные гости" Одессы, французы и сербы, поляки и немцы, тщетно искали, где печатаются воззвания к их войскам, откуда появляются в Одессе и на иностранных кораблях газета „Коммунист" и листовки.

А они печатались в катакомбах. Здесь стояла американка, отсюда под покровом ночи выносилась литература, которая, быть может, помогла 3-тысячному отряду Григорьева погнать в море стотысячные армии интервентов!

Теперь катакомбы или превращены в каменоломни, или же наглухо замурованы. С трудом пробираемся мы по одной из крупных галлерей. Она ведет к Малому фонтану. Местами ее пересекают ручейки воды. При свете пожарных факелов медленно движемся вперед. Картина, напоминающая пьесу „Голос недр" в театре МГСПС. Только этот голос недр принадлежит уже прошлому и представляет чисто исторический интерес.

Легендарные „привидения" и таинственные рассказы давно уже не волнуют Одессу. Потомки былых контрабандистов давно уже бежали из Одессы. Легендарный Беня Крик нашел смерть от винтовки красноармейца.

Но мы вместе со старыми подпольными работниками времен интервенции с благодарностью вспомним темные своды когда-то скрывавших их катакомб.

Д. Маллори

НЕИЗВЕСТНАЯ БАЛЛАДА А.

Пушкин созрел очень рано, и об его детстве и первых его поэтических опытах сохранилось мало достоверных сведений. В лицее он является перед нами уже настоящим писателем, но первые годы его литературной юности окутаны каким-то туманом. В. П. Гаевский, статья которого „Пушкин в лицее и лицейские его стихотворения“ („Современник“, 1863 г., №№ 7 и 8) навсегда останется самым ценным собранием сведений об этом периоде жизни поэта,—сообщает ряд интересных фактов. Сообщения Гаевского тем ценнее, что этот точный, осторожный работник пользовался показаниями нескольких товарищей Пушкина.

„По рассказам товарищей его, он в первые два года лицейской жизни написал роман в прозе „Цыган“ и, вместе с М. Л. Яковлевым, комедию „Так водится в свете“, предназначавшуюся для домашнего театра. После этих опытов он начал комедию в стихах „Философ“, о которой упоминает в своих записках, но, сочинив только два действия, охладел к своему труду и уничтожил написанное. В то же время он сочинил, в подражение Баркову, поэму „Монах“... Увлеченный успехом талантливого и остроумного произведения дяди, В. Л. Пушкина, „Опасный сосед“, которое ходило тогда в рукописи и с жадностью читалось и перечитывалось, племянник пустился в тот же род и, кроме упомянутой поэмы, написал „Тень Баркова“, балладу, известную по нескольким спискам. Последнюю он выдавал сначала за сочинение князя Вяземского, но, увидев, что она пользуется большим успехом, признался, что написал ее сам... Все эти пять произведений, по отзывам товарищей поэта, сочинены в 1812, 1813 и не позже 1814 года“.

Пушкин — лицеист

Недавно, как известно, обнаружен „Монах“, который вскоре будет опубликован. О „Цыгане“ и комедии „Так водится в свете“ ничего неизвестно. Комедия в стихах „Философ“, на которую поэт возлагал большие надежды, думая ею „открыть свое поприще по выходе из лицея“, вероятно не была окончена; от нее ничего не дошло до нас. Писалась она позднее эпохи, указываемой Гаевским—в конце 1815 и начале 1816 г., как видно из записок самого Пушкина и письма его товарища А. Д. Илличевского

В некоторой связи с „Монахом“ стоит шуточная баллада „Тень Баркова“ Она настолько непристойна, что далеко не все стихи ее могут быть воспроизведены в печати. Несколько выдержек из нее привел Гаевский в своей статье, известной в наши дни лишь специалистам, в сочинения же Пушкина после издания Г. Н. Геннади (1870 г., т. I, примеч., стр. 8—9), давно забытого, даже эти отрывки не были включены. Виноват в этом был П. А. Ефремов, три раза редактировавший издания сочинений Пушкина (1880, 1882 и 1903—5 гг.) и сбивший с толку других издателей и исследователей.

В оглавлении к I тому его издания 1880 г. (стр. 576) значится: „Тень Баркова“. Отрывки из баллады“, но они не помещены, и даже страницы, на которых они должны были находиться (56 — 57), исключены из нумерации, так как „оказалось, что эта баллада Пушкину не принадлежит“. Много лет спустя (в статье „Мнимый Пушкин в стихах, прозе и изображениях“—„Новое Время“, 1903 г., № 9845) Ефремов об'яснил, почему из первого своего издания „выбросил отрывки из поэмы „Тень Баркова“, которые взял было из статьи Гаевского в „Современнике“, обставившего его (?) такими подробностями о времени написания, чтении лицеистам и т. п., что не было сомнения, что это написал Пушкин. Найдя полную поэму в рукописной тетради, я увидел, что в ней дело идет не о Петербурге, а о Москве, и с такими подробностями, которых Пушкин не мог о ней знать, вывезенный из нее еще почти ребенком. Не скажу теперь, что это стихотворение принадлежит Полежаеву, как я сказал тогда, исключая из своего издания эти стихи“... Вскоре Ефремов дал более подробное об'яснение (Сочин. Пушкина, изд. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 18): „Гаевский указал, что Пушкин, написав эти стихи, выдавал их сначала за сочинение кн. Вяземского и из приличия называл в лицее эту балладу: „Тень Кораблева“ (этой подробности у Гаевского нет) и т. д., но, увидев успех, признался, что написал ее сам. На этом основании я взял-было эти отрывки в Исаковское издание сочинений Пушкина, но цензор Ратынский во время указал мне, что стихи эти московского происхождения, хотя неправильно приписал их Полежаеву. Они были мною исключены из издания, а потом, в Москве, мне попалась целая тетрадь подобных произведений одного москвича, состоявшая из переделок на такой же лад баллад и поэм Жуковского, как эта „Тень Баркова“ („Громобой“), „Сѣзжинская узница“ („Шильонский узник“) и пр. Эту тетрадь я отдал В. П. Гаевскому, а он и сам уж встретил меня отказом от своего прежнего предположения“. Из трех приведенных показаний его отбросим первое, как лишенное какой бы то ни было мотивировки. Что касается двух остальных, то в них заключается лишь один довод, да и тот излагается различно: в одном случае речь идет о московских подробностях, в другом—о московском происхождении баллады. Между тем, в ней есть лишь одно указание на место действия, которое категорически приурочено к Петербургу. Дело происходит в публичном доме на Мещанской. Эта улица приневской столицы более ста лет была, как выразился Гоголь („Невский проспект“), „улицей чухонских нимф“ и средоточием публичных домов. В „Моей родословной“ Пушкин смеется над Булгариным:

Решил Фиглярин вдохновенный:
Я во дворянстве мещанин.
Что ж он в семье своей почтенной?
Он?.. Он в мещанстве дворянин.

Приведем выдержки из баллады, пользуясь для этого как статьей Гаевского, так и одним (к сожалению, неполным) списком,находящимся в Пушкинском Доме (сборник „Стихотворения“, 1832 г., из собрания Б. Л. Модзалевского, стр. 206 — 208).

Однажды зимним вечерком
В . . . . на Мещанской
Сошлись с расстригою-попом
Поэт, корнет уланской,
Московский модный молодец,
Под'ячий из сената,
Да третьей гильдии купец,
Да пьяных два солдата.
Всяк пуншу осушил бокал...
. . . . . .

„Всех задорнее“ повел себя на поприще служения „Афродите всенародной“ отставной представитель духовенства, и поэт славит его:

Хвала тебе, расстрига-поп,
Приапа жрец ретивый!

Но не таков оказался главный герой баллады, поэт.

. . . . . лишился сил
Как воин в тяжкой брани,
Он пал, главу свою склонил
И плачет в нежны длани.
Так иногда поэт Хвостов,
Обиженный природой,
Во тьме полуночных часов
Корпит над хладной одой.

Пред ним несчастное дитя:
И вкривь, и вкось, и прямо
Он слово звучное, кряхтя,
Толкает в стих упрямой.

На помощь герою приходит покойник Барков, который доставляет ему торжество и посрамляет попа:

Явилась тень, идет к нему
Дрожащими стопами,
Сияя сквозь ночную тьму
Огнистыми очами.
„Что сделалось с детиной тут?“
Вещало привиденье...
. . . . . .
И страхом пораженный поп
Не мог сказать ни слова,—
Свалился на пол, будто сноп,
К портищам он Баркова.
. . . . . .
— „Ты видишь,—продолжал Барков,—
Я вмиг тебя избавил.
Но слушай: изо всех певцов
Никто меня не славил.
Никто! так . . . . . !
Хвалы мне их не нужны.
Лишь от тебя услуги жду,—
Пиши в часы досужны!
Возьми задорный мой гудок,
Играй как ни попало.
Вот звонки струны, вот смычок,—
Ума в тебе немало.
Не пой лишь так, как пел Бобров,
Не Шелехова тоном.
Шихматов, Палицын, Хвостов
Прокляты Аполлоном.

ПУШКИНА „ТЕНЬ БАРКОВА“

И что за нужда подражать
Бессмысленным поэтам?
Последуй ты, ...
Моим благим советам.
И будешь из певцов певец,
Клянусь моей . . . . . !
Ни чорт, ни девка, ни чернец
Не вздремлют над тобой!“
— Барков! доволен будешь мной!—
Провозгласил детина.
И вмиг исчез призрак ночной,
И мягкая перина
Под милой . . . . . .
Не раз потом измялась...

Впоследствии, когда герой баллады попал в другую беду, перед ним снова

Баркова призрак вдруг предстал,

освободил его из-под стражи и сказал на прощанье:

„Поди! (Отверзта дверь была).
Тебе не помешают.
Но знай, что добрые дела
По-царски награждают;
Усердно ты воспел меня,
И вот за то награда!“
Сказал, исчез, — и здесь, друзья,
Кончается баллада.

Ефремов опрометчиво отверг авторство Пушкина, а из других пушкинистов ни один ни разу не остановился на вопросе о принадлежности Пушкину баллады, который ныне выдвигается ее несомненной связью с „Монахом“ и категорически решается положительно. Не только сообщение Гаевского не вызывает никаких сомнений, но в пользу авторства Пушкина говорят и сами стихи, которых нет никакой возможности приписать кому-либо другому из тогдашних лицейских поэтов. Ни у Дельвига, ни у Илличевского (не стоит говорить о Кюхельбекере) мы не найдем стихов такой силы, энергии и зрелости. Пушкин быстро шел вперед и всех обогнал. Его товарищи могли лишь удивляться ему. Дельвиг уже в 1815 г. писал о нем, выражая мнение всего лицея:

Пушкин! Он и в лесах не укроется,
Лира выдаст его громким пеньем.
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий..

На разнузданность своего языка Пушкин сам два раза намекает в своих письмах, упоминая о слуге Никиты Всеволожского, Калмыке, который на дружеских пирушках при каждом нескромном слове собеседников провозглашал: „Здравия желаю!“ („Желай мне здравия, Калмык!“).

Некоторая приверженность к подобным вольностям замечалась в Пушкине и впоследствии. Один польский мемуарист вспоминал, что в речи Пушкина „часто мелькали грубые выражения“. Однажды (1829 г.) Пушкин завтракал у М. П. Погодина вместе с Мицкевичем, С. Т. Аксаковым, Хомяковым, Щепкиным и друг., и Аксаков с ужасом писал потом, что Пушкин „держал себя ужасно, гадко, отвратительно“. Мицкевич два раза вынужден был сказать собеседникам: „Господа, порядочные люди и наедине, и сами с собою не говорят о таких вещах“.

Что баллада написана не позднее 1814 г., вполне подтверждается связью ее с другими стихами этого года. Гаевский правильно указал, что она „представляет местами пародию на балладу „Громобой“ Жуковского. Бытовым же реализмом своим она роднится с „Опасным соседом“ Василия Львовича Пушкина. Действие „Опасного соседа“ также происходит в публичном доме, где собралась такая же разношерстная публика,—гуляка и мот Буянов, которого Пушкин охотно признавал своим „двоюродным братом“, автор, купец, дьячок. В сатиру В. Л. Пушкина также вкраплены насмешки над писателями „славянского“ направления—Шишковым и Шихматовым,

Автограф Пушкина под портретом поэта А. Дельвига

а также над Шаховским. Над этой „тройкой злой“ поэт-племянник еще несколько лет насмехался, давно переставши смеяться над С. С. Бобровым. О Шелехове же и Палицыне он больше не упомянул ни разу, так как вскоре понял, что о них и говорить не стоит, в виду незначительности их удельного веса; к тому же они быстро вышли из рядов действующей литературной армии: и А. А. Палицына, и И. И. Шелехова (издававшего в 1810 г. дрянной „Журнал для сердца и ума“) уже во втором десятилетии XIX века читатели стали забывать. О Палицыне Пушкин упомянул едва ли не потому лишь, что над ним мимоходом посмеялся недавно Батюшков в своей сатире „Певец в беседе славянороссов“ (1813 г.). В послании „К другу стихотворцу“ (1814 г.) Пушкин осмеивает „творенья громкие Рифматова, Графова“ (Шихматова, гр. Хвостова), которые „с тяжелым Бибрусом (Бобровым) гниют у Глазунова“, а три года спустя, в „арзамасском“ послании к Жуковскому, повторяя насмешки над противной литературной партией, называет их „отверженными Феба“ и тут же говорит о Сумарокове: „проклятый Расином“, что напоминает „проклятых Аполлоном“ в балладе о Баркове. Пуще всех в последней досталось от Пушкина графу Хвостову, этой неизменной жертве литературных насмешников в течение многих лет. В послании „Моему Аристарху“ (1815 г.) он изобразил Хвостова, который пишет свой вздор по ночам и „кряхтя“.

Но уже в 1814 г. юный поэт отрекается от Баркова, своего недавнего учителя. В „Городке“ он, рассказывая о своем „круге чтения“, бегло излагает содержание спрятанной у него „на самой нижней полке“, за книгами разных бездарных авторов, заветной „потаенной тетради“, доставшейся ему от „двоюродного брата, драгунского солдата“: в ней собраны „сочиненья, презревшие печать“,—сатиры кн. Д. П. Горчакова, „Видение на берегах Леты“ Батюшкова, комедия Крылова — „Триумф“, дядюшкин „Опасный сосед“...

Но назову ль детину,
Что доброю порой
Тетради половину
Наполнил лишь собой?“...

На этот раз поэт не осмеливается славить Баркова, о котором подобает говорить его же слогом:

Но убирайся с богом!
Как ты, в том клясться рад,
Не стану я писать.

Одному проницательному критику плохая эта рифма подсказала резонную догадку, что неуклюжее „в том клясться рад“— явная вставка, и что здесь первоначально красовался тот же „русский титул“. Больше Пушкин Баркова не величал, и несомненно, что „Тень Баркова“ написана раньше „Городка“. Между обоими этими произведениями заметно сходство не только в литературных оценках, но и в общественных взглядах: Пушкин в „Городке“ бранит „иереев, а с ними крючковатый под'ячий народ“, а в „Тени Баркова“ выводит попа и сенатского под'ячего; для музы Баркова и преемника его заветов самая подходящая публика—„чорт, девка и чернец“. К рано намеченному образу веселого российского клирика близко подходят изображенные в „Борисе Годунове“ беспутные бродяги— чернецы Мисаил и Варлаам.

Впрочем, и впоследствии Пушкин не забыл Баркова, совершенно неисключимого из числа учителей великого поэта. В послании (1817 г.) к Жуковскому он бранит надутого, холодного Сумарокова: в этом он следует Баркову, который язвительно пересмеивал „российского Вольтера“. В „Первом послании цензору“ он сравнил судьбу некоторых своих произведений с судьбой стихов Баркова:

Барков шутливых од к тебе не посылал...
И Пушкина стихи в печати не бывали.
Что нужды? Их и так иные прочитали...

В 1830-х годах он записал два забавных анекдота о проделках Баркова с Сумароковым и трунил над юным сыном своего друга Вяземского: „Вы не знаете стихов Баркова и собираетесь вступить в университет! Это курьезно! Барков—это одно из знаменитейших лиц в русской литературе... Для меня сомнений нет, что первые книги, которые выйдут в России без цензуры, будут полное собрание стихотворений Баркова“.

В „Тени Баркова“ Пушкин не говорит „чистейшим языком о нечистых вещах“, но это у него идет не от склонности натуры и не от неуменья. Баллада нарочито исполнена в стиле Баркова, и конечно—„Барковским должно слогом Баркова воспевать“... На отношения Пушкина к Баркову нужно смотреть не с моральной, а с литературно-формальной стороны. Задачу свою мальчик-поэт на рубеже 14—15 лет исполнил с бесподобным успехом. Так был широк диапазон пушкинского мастерства: от Баркова до Данте!

Н. Лернер

У СУХАРЕВОЙ БАШНИ

Рассказ *А. Аросева* из времен „невозвратных“

Чудные бывают названия в Москве улиц, тупиков и переулочков. Вот, например, не угодно ли: „Коровий брод“. Я это название услышал первый раз от полицейского, который вел меня из Арбатского полицейского дома и сказал:

— Ну, пойдем, что ли, на „Коровий брод“.

— А это что же?—полюбопытствовал я.

— Неужто не знаешь? Рази ты первый раз арестован?

— Первый.

— Не может быть, по глазам вижу, что не впервой, все вы студенты уж привыкши по тюрьмам.

— Так что ж это на Коровьем Броду, тюрьма, что ли?..

— Нет. Ты арестованный, тебе не полагается спрашивать. Я по-настоящему должен вести тебя молча и не разговаривать куда.

— Этак-то скучно. Все равно вы ведь мне сказали про „Коровий брод“.

— Там, значит, ты будешь сидеть в карантине.

— По какому же случаю, по какой болезни карантин?

— Известно по какой, по политической.

Я больше не расспрашивал и мирно шествовал о бок с городовым к таинственному для меня „Коровьему броду“.

Оказалось, что это такой же полицейский арестный дом, как и все, только хуже других. Началась привычная для меня арестная жизнь, с пайками черного хлеба по утрам, с баландой днем, с вечерней поверкой, с клопами, мышами, тараканами, с бесконечными до сухости в горле спорами против эсеров, меньшевиков, анархистов, — все эти партии были представлены в изрядном количестве. Жандармы имели добрую жатву. Мои сотоварищи по камере об'яснили мне, что нам придется сидеть здесь месяц, после чего мы б у д е м освидетельствованы, не больны ли мы венерическими болезнями—мы в венерическом карантине. Какому-то предприимчивому медику удалось убедить начальство, что „политиков“, прежде чем отправить в ссылку, требуется освидетельствовать с точки зрения венерических заболеваний. Вообще, мало ли с каких точек зрения можно свидетельствовать людей, посаженных в тюрьму и, следовательно, находящихся в полном и беспрекословном подчинении у начальства! На этот раз начальство переживало антивенерическое увлечение. А впрочем, не все ли равно, как и где нам сидеть! Освидетельствование доставит даже некоторое удовольствие.

Сидим, спорим, черный хлеб жуем, катышками хлеба перекидываемся, голубей кормим, барабаним по жестяным кружкам; анархист Егор Егорыч мастерски играет на бутылках, как на флейте, меньшевик Полфунтиков губами исторгает звуки огромного оркестрового барабана, рабочий Пузыркин — на гребенке, как на скрипке, а в углу у окна—эстонец, вечно негодующий на то, что ему всякими разговорами, шутками, шумами, оркестрами и даже спорами мешают дочитать Энгельса „Анти-Дюринг“. За то, что эстонец беспрерывно протестует, его все звали „стонец“ и приговаривали: „Чорта ли ты стонешь: в Сибири начитаешься“. В общем было не скучно.

Несколько унылым иногда был анархист Егор Егорович. Этот маленький сутулый человек с глазами навыкате, с умным выпуклым лбом, с широкой косолапой ступней и такими же руками, напоминал орангутана, только ростом мал. При всем том лицо имел недурное, осанистый гордый подбородок и грустные, будто вечно и во все влюбленные глаза. Он был грустен и говорил:

— Да, вам хорошо, вы пойдете в ссылку или получите крепость или каторгу, а вот я-то, я-то, может быть, на перекладине буду висеть.

У Егора Егоровича было, действительно, серьезное дело: он обвинялся в целом ряде вооруженных ограблений и в убийстве полицейских чинов. Он долго разыскивался

В Москве, у Сухаревой Рис. худ. М. И. Недбайло

жандармами. Егор Егорович был политический экспроприатор и террорист. И был он таким оттого, что в нем было много силы, и поэтому по самому и умирать ему было тяжко. А он готовился быть удавленным палачами.

По ночам ему должно быть особенно было жутко. Мы спали с ним на нарах рядом. Он приклонится к моему уху и говорит:

— Попытаться бы убежать. Ведь только с этого дурацкого карантина и можно винта нарезать, а потом из тюряги, из Бутырок, например, будет трудно.

Я соглашался с ним и высказывал готовность помочь ему. День ото дня Егор Егорович становился задумчивее. И ночью, когда случалось мне просыпаться, я всегда видел его лежащим с открытыми глазами, уставленными в одну точку на потолок, где дохли мухи.

Вскоре привели к нам в камеру извозчика в длиннополом кафтане, от которого невозможно несло сивухой и кислой капустой. Извозчик был низенький, крепкий бородач. Он занял самое неприглядное место в камере и с видимой неприязнью посматривал на всех нас.

Егор Егорович осмелился его спросить:

— А вы за что, товарищ?

— Да за политику, мать ее за ногу.

Странное отношение к „политике“ вызвало второй вопрос:

— Вы занимались политикой?

— А, елки-палки, на что она мне! Это, вишь, так: стою я на углу Разгуляя (я опять подумал: „Экие в Москве названия!“), ночью подходят двоя и нанимают меня в Пыхов проезд („Пахов, Пыхов — не забыть бы!“). Студенты какие-то. Только я лошадь тронул, они давай песни орать. Мне и невдомек, какие это песни,—ну, а фараон-то учуял, он ихние все песни знает и, значит, остановил меня. И в участок их, политику окаянную, да и меня при том же. А я что, я и песней таких петь не умею. Пристав в участке мне говорит: „Ты, грит, с ними заодно, тоже горлопан“. Три раза я ему окстился, как перед иконой, а он все не верит. Я сплюнул на сторону: „Не веришь—ляд с тобой!“ Вот он осерчал и отправил меня сюды, к вам. Вы, поди, тоже студенты.

Словоохотливый оказался извозчик. Он потом рассказывал нам про свою жизнь. Про жену говорил:

— Есть у меня и жена. Занимаемся, сколько полагается.

Не могли мы никак его отучить молиться по утрам и вечерам. Он старательно прикладывался лбом к асфальтовому полу.

Я не знаю, что потом сталось с извозчиком. Я раньше его отбыл карантин и был вызван к отправке в Бутырскую тюрьму. Вместе со мной попал и анархист Егор Егорович. В коридоре, когда обыскивали наши вещи, он шепнул мне.

— Могу надеяться на вашу помощь?

— Конечно. Только позвольте мне дать вам сигнал, когда будет удобно...

— В общем, я буду орентироваться по обстановке. Хорошо, если бы мы не на извозчиках ехали.

— Вы не волнуйтесь, там в пути видно будет.

Взяв подмышки свернутые наши постели, мы вышли с городовыми на улицу. На углу стояли извозчики. Я говорю городовым:

— Друзья, зачем нам брать извозчика, пойдемте пешком.

— Никак нельзя, господин хороший. Это и нам было бы выгодно, потому нам на извозчика деньги дают, но ведь до Бутырок-то язык высунешь итти... Я замолчал.

Егор Егорыч в волнении жаркой рукой своей толкал меня в бок.

Подойдя к извозчикам, я будто бы только что вспомнил:

— Послушайте, друзья, а ведь мы можем и на трамвае ехать. Вам лишний рубль, что дали на извозчика, пригодится.

Высокий рыжий городовой с голубыми глазами и большим ртом ответил:

— Да, с трамвая-то вы убегете.

— Ну, что вы, друг,—старался я.—Нам не требуется бежать, и разве мы можем вас подвести. В крайнем случае, пусть один из вас (городовых было двое) займет переднюю площадку, другой—заднюю. Вот нам и бежать будет некуда. А целковый у вас остался.

— Да можно и еще,—ляпнул было в нетерпении Егор Егорович.

Я не дал ему докончить, крепко сжал ему руку повыше локтя: попыткой подкупить городовых он мог выдать себя. Я слышал, как Егор Егорович скрипнул зубами. Уж очень боялся пропустить такой великолепный шанс для побега. Из Бутырок уж и думать нечего о побеге. А бежать для Егора Егоровича—это бежать от верной смерти. Я чувствовал, как весь он сотрясается мелкой сосредоточенной дрожью

от необыкновенного волнения. Мне стало тоже не по себе. Все внимание свое, все силы свои, всю сообразительность свою старался я сосредоточить на том, как бы помочь бежать дорогому, бедному Егору Егоровичу, как бы спасти жизнь человека, который вот тут предо мной, и с которым я сдружился...

Городовые стояли в нерешительности. Я сделал шаг вперед.

— Пойдемте,—сказал я,—к трамваю.

Сказал это я как все, что я говорил в этот раз, самым обыкновенным, серень-ким тоном, чтобы не вызвать и тени подозрения. Но вместе с тем сила желания билась во мне и в моем спутнике так сильно, что городовые, как под гипнозом, пошли к трамваю. У трамвая газетчик выкрикивал названия газет:

— „Русское Слово", „Речь", „Русские Ведомости".

— Давай „Ведомости",— сказал я газетчику, и тут же городовому:

— Друзья, разрешите, а то мы долго газет не увидим.

— Ну, ну, ладно уж...—ответил старший городовой, широкобородый, как ямщики прежних времен.

Егор Егорович, чтоб не выдать своего волнения, не говорил ничего и хорошо делал. Мы закрылись с ним газетами и вошли внутрь трамвая, а городовые—один на передней, другой на задней площадках. Егор Егорович сел против меня и лихорадочными глазами спрашивал меня: когда же, когда же? Я ему шопотом сказал:

— У Сухаревой башни будет пересадка. При выходе из трамвая я возьму твои вещи. Твое желание осуществляй тогда, когда закашляюсь.

— Ты только медлишь и рассуждаешь, минута за минутой бежит, я теряю все. Я просто сейчас.

— Дело твое. Но раз ты в лихорадке и не понимаешь, что надо делать, то слушай меня.

— Гарантируешь?

— Глупый вопрос, —раздражался и я.

Трамвай остановился. Мы сходим. Я держу и его, и свои вещи. Городовые зорко следят за нами. Нам предстоит пересечь базар у самой Сухаревой башни, чтобы выйти на Мещанскую к остановке другого трамвая, который доставит нас прямо до Бутырок. Городовые пошли так: старший—впереди, а другой—сзади, с другого края, так что мы с Егором Егоровичем представляли собою диагональ ромба, у двух противоположных вершин которого находились городовые. Старший к нам спиной—значит, не в счет. Младший сзади—значит, надо его отвлечь. Раздумывать—одна или, может быть, две секунды. И в эти-то секунды я не по плану, не по рассуждению, а по какому-то наитию, обратился к заднему городовому:

— Не разберу, сколько это на башенных часах?

Городовой добросовестно поднял голову, чтоб взглянуть на часы Сухаревой башни. В тот же момент я закашлялся и незаметно бросил на мостовую пожитки Егора Егоровича. А он, милый, незабвенный Егор Егорович, с быстротою пули ударился в сторону. Искоса взглянув на него, я видел, как он вскочил в первый попавшийся трамвай на Сретенке. Прошла всего одна секунда. Задний городовой сообщает мне:

— Без десяти минут...

Он не договорил и вдруг крикнул:

— Стой!

Старший городовой и я остановились.

Младший—старшему:

— А где же, где же второй арестованный?

Старший младшему вполне резонно отвечает:

— Да что у меня назади глаза, што ли, ведь ты сзади-то шел...

Тут они оба дуэтом произнесли страшное матерное ругательство и направили на меня дула револьверов. А у меня предыдущее волнение беспокойства вдруг сменилось волнением страшного веселья. Я улыбаясь, сказал:

— Я друзья здесь не при чем. Это просто нахальство со стороны моего приятеля — вдруг взять и не предупредивши вас убежать. Нехорошо, невежливо.

Городовым было не до того, чтобы понимать мою иронию. Один из них, старший, скомандовал младшему:

— Смотри, чтобы и этот не убег.

И устремился вокруг Сухаревой башни, держа револьвер наизготове и собирая вокруг себя зрителей. Младший стоял около меня и держал у моего лба револьвер.

Воры, проститутки и просто базарные люди собрались вокруг меня и язвительно говорили:

— Ага, попался, будешь в карманы лазить? Говорила я тебе—не воруй. Это уж известно,—как ни воруй, а в полицию попадешь.

Толпа принимала меня за только что пойманного вора.

Все это казалось мне таким забавным, что я даже не опровергал гласа народного. Пусть...

Старший городовой три раза опоясал своим бегом Сухаревку, но не нашел Егора Егоровича. Кто-то из толпы ехидно заметил:

— А ты что ж думаешь, что который убежал будет вокруг башни тебя дожидаться? Полицейский, а дурак.

Прежде, чем вести в тюрьму, меня повели в ближайший участок, чтоб заявить о случившемся.

Дорогой оба полицейские почувствовали ко мне вдруг нечто похожее на дружеское расположение. Старший сказал:

— Сразу видно, что вы человек интеллигентный, студент, вы не убегаете. А этот цивалдай... Ээээ, вот что,—мягко заговорил городовой,—ежели пристав спросит вас, как он убег, то скажите так, что-де полицейские шли по бокам, а он-де, сукин сын, как толкнет одного и бежать... Мы, дескать, подняли стрельбу, ну а он и скрылся за народом, не станешь же в людей стрелять.

Я согласился давать какие угодно показания, лишь бы смягчить участь несчастных городовых.

В участке встретил нас пристав с усами, закрученными в густые кольца и блестящими, будто смазанные дегтем. Городовые тихими голосами рассказали историю. Пристав расставил ноги и рванул себя за усы. Потом громоподобным голосом:

— Сколько вас было?

— Двое,—шепчут городовые.

— Сколько было арестованных?

— Двое,—пианиссимо дуэтом отвечают городовые.

— Ссволочи, двое за двумя не могли досмотреть. Стервецы, ведь вас теперь повесить мало...

— Так точно, — отвечал старший, — но только мы принимали все меры. Вот они,— городовой показал пальцем на меня,—могут подтвердить.

— Дурррррак, — рявкнул пристав, — да эти самые „они" находился в стачке с беглецом. Он помог ему на ваших глазах бежать, а вы мне его в свидетели пихаете, ротозеи.

Я без всякого смущения старался весельем глаз своих показать приставу, что я с ним вполне солидарен и что, несмотря на это, и пристав и любое другое начальство не в силах как-либо наказать меня. Я просто нахально ликовал.

Пристав ткнул старшего два раза кулаком в подбородок, и мы пошли пешком до Бутырок.

— Остального-то не потеряйте,—напутствовал их пристав.

До тюрьмы я с городовыми шел как настоящий друг: они жаловались мне на тяжесть и неблагодарность полицейской службы, а я развивал им идеи о вреде самодержавного строя.

Когда меня в Бутырках принимал тюремный чин, он со своей стороны постарался дать нагоняй распропагандированным мною городовым. Взяв так называемый открытый лист (то-есть бумагу, при которой следует арестант, его арестантский индивидуальный билет) на Егора Егоровича, тюремный чин тыкал мясистым пальцем в него, показывая городовым:

— Что тут написано: „...обвиняющийся в целом ряде вооруженных ограблений .....склонный к побегу .....требует особо бдительного надзора". Особо бдительного надзора. Слышите вы?.. А вы, вместо бдительного надзора... Зимогоры проклятые.

Городовые с видимым сожалением расстались со мною, ибо кроме меня никто уж им не посочувствует.

В камере, где очутился я, было устроено нечто вроде празднества по случаю того, что один из нас теперь вкушает неоцененную человеческую свободу двигаться, жить, мыслить, бороться.

Спустя много дней, месяцев я узнал, что Егор Егорович счастливо перебрался в теплые французские края.

А. Аросев

„КОМСОМОЛЬСКАЯ ПРАВДА" ПЕРЕД СВОИМИ ЧИТАТЕЛЯМИ

„Комсомольская Правда", как всегда, на форпосте нашей общественности. Ею впервые была организована передача по радио заседания редколлегии совместно с ее редакционным активом. На заседании обсуждались вопросы борьбы с бюрократизмом, связи с читателями, мобилизации юнкоров и всего читательского коллектива и т. д. Ряд комсомольских ячеек на местах организовал коллективное слушание радиопередачи заседания, после которых велись обсуждения плана работы „Комсомольской Правды". Живая, бодрая, четкая и талантливо ведущаяся газета постоянно первая откликается на все политические, общественные и бытовые вопросы. На снимке — сидят вокруг стола (слева направо): Е. Строгова, зам. редактора Я. Ильин, редактор И. Бобрышев, член редколлегии Д. Н. Бухарцев, секретарь М. Чаров, Л. Кречет. Стоит, опершись на стол, зав. полит.-экономическим отделом М. Смоленский, позади него—зав. редакцией Я. Юдицкий

ШАХ И МАТ

Рассказ *Георга Штурма*

Это было незадолго до войны.

В одно прекрасное летнее утро в идиллический германский курорт Вильдунген, в княжестве Вальдек, среди прочих „кургастов“ с берлинским курьерским поездом прибыл небрежно одетый пожилой человек с весьма скромным дорожным чемоданом. Он прошел сквозь строй великолепных автомобилей от гостиниц, не вызвав ни малейшего внимания отельных факторов, привыкших с одного взгляда определять, кто чего стоит. И когда он занес ногу, чтобы войти в авто „Фюрстенгофа“, величественный фактор, нестерпимо сверкавший золотом галунов, чуть тронул его за плечи и сказал со сниходительной усмешкой:

— Не ошиблись ли вы, почтеннейший? У-нас комнаты от десяти марок.

— Неужели?—изумился небрежно одетый человек, и опустился на мягкое сиденье.

Через четверть часа он уже был в мраморном холле „Фюрстенгофа“, наполненном изысканной публикой. Портье с осанкой министра иностранных дел неодобрительно взглянул на его тощий чемоданчик и старомодную шляпу и отвел ему самый дешевый номер под чердаком. Мальчишка-бой, гордый 318 пуговицами на куртке и штанах, проводил его наверх, швырнул чемодан в дверь, буркнул: „Залетела ворона не в свои хоромы!“—и, считая ниже своего достоинства дожидаться „на-чая“ от подобного суб'екта, немедленно покатился кубарем вниз.

Доклад Ласкера в Гамбурге

Суб'ект остался один. До шести часов он не выходил, позавтракал у себя (после многих настойчивых звонков к кельнеру), а в шесть появился в роскошном двусветном салоне, разделенном рядом колонн на две неравные половины. В большой усиленно флиртовали нарядные парочки, а в меньшей происходило священнодействие: за четырьмя столиками, среди абсолютной, почти благоговейной тишины играли в шахматы.

Человек с блестящими глазами направился сюда. Никто не обернулся, когда он вошел; только дежурный обер-кельнер, потрясенный тем, что пришелец был не в смокинге, сурово посмотрел на него и приложил палец к губам, выразительно призывая к молчанию.

Человек с блестящими глазами постоял у одного столика несколько минут, потом вдруг схватился за волосы и порывисто отошел к другому. Тут повторилась та же картина, у третьего—опять. Все это было очень странно. Казалось, что самый вид шахматов вызывает в нем отвращение и негодование.

Но у четвертого столика человек с блестящими глазами успокоился и одобрительно улыбался при каждом ходе белых, которыми играл молодой господин с усами в стрелку, по выправке — несомненный лейтенант. Его партнер—старик с седыми бакенбардами—был похож на пастора.

Молодой игрок задумался над доской.

— Да ведь ход ясен! — воскликнул незнакомец.— Надо...

Восемь голов разом оторвались от досок и с изумлением, почти с ужасом воззрились на пришельца.

— Надо не вмешиваться! — строго сказал обер-кельнер. — Это единственное, что надо!

И прибавил совсем другим тоном:

— Прошу прощения у высокородных гостей! Я осмелился призвать этого неизвестного джентльмена к порядку, так как он, по всем признакам, наверно, никогда не видел, как играют в шахматы.

Восемь голов опять опустились к доскам, а молодой игрок поднял фигуру, чтобы ее передвинуть.

— Ничего подобного! — вскричал незнакомец, выхватывая фигуру из его руки.— Это верная гибель, а у вас обеспеченный выигрыш в четыре хода!

— Да вы с ума сошли, милостивый государь!

— Еще неизвестно, кто тут сумасшедший! Ставлю пять тысяч марок против пяти, что я даю мат в четыре хода!

Все повскакали с мест.

— Вас стоило бы проучить! — сказал молодой игрок, которого начинала забавлять эта история. — Не суйтесь, если не имеете понятия о шахматах... Однако мне не пристало пользоваться таким шансом,— и я ставлю тоже пять тысяч против столь уверенно об'явленных вами пяти тысяч, но только с одним условием... — точнее: с двумя.

— Хоть с сорока двумя! Заранее согласен на всякие.

— А вот скоро увидим... Во-первых, выигрыш в пользу детского приюта, открытого здесь недавно, а во-вторых—деньги на стол и сейчас.

Восемь игроков, как по команде, захохотали, и даже обер-кельнер, который должен был присутствовать совершенно безучастно, не утерпел и прыснул в ладонь. Да, против забывшегося нахала с потертыми локтями это был мастерский удар!..

Но „нахал“ беспечно буркнул:

— Ну, что ж, можно и на стол!..

Вынул потрепанный бумажник и извлек из него целую пачку синих тысячных кредиток.

— И отнюдь не фальшивые, смею заявить.

Молодой игрок вспыхнул.

— Милостивый государь, здесь не шутят! Прошу занять место.

— А к чему?—усмехнулся незнакомец.— Я не охотник смотреть на доску.

— Не мечтайте увильнуть! — вмешался второй партнер. — Ставки выложены, к пари надо относиться серьезно.

— Уж чего серьезнее!.. Но позвольте мне и погулять за те же деньги.

Он переставил фигуру, затем, не глядя на доску, зашагал по салону, и точно, как и взялся, сделал мат в четыре хода.

Остальные игроки, побросав свои доски, с затаенным дыханием следил за этим необычайным турниром. Но особенно был поражен старик, похожий на пастора, уже считавший партию за собой.

— Требую реванша!—заявил он.—Но я никогда не ставил больше пятидесяти пфеннигов... в пользу обера.

— Ладно!— ответил потертый человек.— Он больше и не стоит.

Старик был разбит раньше, чем успел сообразить, что происходит. Молодой игрок робко попросил незнакомца сыграть и с ним,— и хотя он очень энергично оборонялся, но и его постигла та же участь.

— А все-таки, — воскликнул незнакомец, — хотя вы и проиграли мне,—и проиграли бы еще 500 раз под ряд, но я должен вам сказать, что вы оба—настоящие шахматисты. Приятно встретить настоящих игроков среди стад лаптеплетов, тянущихся к шахматам. Хотите послушаться меня? Бросьте всякие службы, всякие занятия — и отдайтесь только шахматам. Это великая штука,—и из вас выйдет толк. Я кое-что понимаю в этом деле. Говорю вам: из вас выйдет толк.

— Отрадно слышать! — сказал старик, похожий на пастора.—К сажалению, не могу последовать вашему совету. У меня есть в Берлине малюсенькое предприятие, которое мне было бы очень трудно бросить.

— А именно?

— Я — банкир Блейхредер.

— Кредитор ряда государств! — почтительно пояснил кто-то в толпе.

— Но вы, надеюсь, не банкир? — обернулся незнакомец к игроку с лейтенантскими усами. — Не похоже на это.

— Действительно!.. Но я тоже не мог бы. Я — здешний владетельный князь Генрих-Адальберт XVII.

Человек с блестящими глазами чуть улыбнулся, посмотрел на обоих и пожал плечами.

— Что ж! Профессии не плохие... А все-таки вы напрасно меня не слушаетесь!

— Милостивый государь!

— Доннерветтер!

— Да, да, господа! И банки лопаются, и престолы рушатся, а шахматы — незыблемы. Честь имею кланяться.

. . . . . .

Незнакомец предсказал точно.

Могущественный банк Блейхредера—короля банкиров и банкира королей — во время войны крахнул, как карточный домик.

Его высочество Генрих-Адальберт XVII при революции в восемнадцатом году был прогнан „возлюбленными подданными“—и теперь состоит „инструктором напитков“ во второразрядном ночном баре в Рио де Жанейро. Говорят, что он несколько опустился, но изготовляемые им коктейли пользуются огромным успехом у шкиперов и их душечек, — и самый сногсшибательный называется „Шах и мат“.

Если посетитель еще не совсем упился, он обыкновенно спрашивает:

— „Шах и мат“... — гм! Почему так?

И Генрих-Адальберт (бывший Семнадцатый) услужливо поясняет:

— А это в честь Эммануила Ласкера...— знаете? — величайшего шахматиста! Мой приятель... Умная башка!.. Если когда-нибудь столкнетесь с ним и он даст вам совет,—послушайтесь его слепо. Не пожалеете. Он знает, что говорит! На пять лет вперед видит, — вот какой башковатый!.. Позволите еще бокальчик?

Георг Штурм

НАШИ ФОТОГРАММЫ

ПЕРВОЕ ЗАСЕДАНИЕ С УЧАСТИЕМ НОВЫХ АКАДЕМИКОВ. В Академии Наук СССР в Ленинграде состоялось первое заседание с присутствием на нем новых академиков. По вопросу о перебаллотировке трех кандидатов после прений 28 голосами против 9 (академик Павлов, Левинсон-Лессинг, Карский, Бородин, Ляпунов, Лавров, Петрушевский, Владимирцев, Сакулин) принято постановление обратиться с ходатайством в СНК СССР о разрешении (в отступление от устава) произвести перебаллотировку с участием новых академиков.

На снимке—сидят слева направо: 1-й ряд—А. А. Борисяк, А. Архангельский, А. Е. Ферсман; 2-й ряд—А. Е. Чичибабин, А. Е. Фаворский, Н. С. Курнаков, Н. Демьянов, Д. Н. Прянишников.

ПЕРВАЯ МОСКОВСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ФОТО-КИНО-ЛЮБИТЕЛЕЙ, являющаяся первой встречей организованных в кружки фото-любителей, собралась в Политехническом музее в Москве.

На снимке: президиум конференции. На трибуне тов. Я. Рудзутак.

Фот. М. Озерского

ОТКРЫТЫ СТРЕЛКОВЫЕ СТЕНДЫ МГСПС. Состоялся розыгрыш индивидуального первенства профсоюзов Москвы по стрельбе в цель.

На снимке: В. Штефко, получивший первый приз по стрельбе по тарелочкам.

Фот. В. Мусинова

АСТРАХАНСКАЯ ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ вновь пущена в работу после произведенного переоборудования. Станция перешла с работы дизелей на работу паротурбин. Стоимость переоборудования выразилась в 1.027.445 рублей.

На снимке: здание электростанции.

Фот. П. Шмакова

ЗАОЧНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ НАУЧНОГО САМООБРАЗОВАНИЯ открывается в ближайшее время ленинградской секцией научных работников. Это начинание является особенно ценным для жителей глухой провинции. Все лица, обращающиеся в консультацию, будут получать по почте исчерпывающие ответы по интересующим их вопросам, для чего требуется только приложение 10-копеечной марки.

На снимке: в консультации.

Фот. И. Бернштейна

ПЕРВОЕ СОВЕЩАНИЕ РАБОТНИКОВ ТРАКТОРНЫХ КОЛОНН состоялось в Москве. На совещании присутствовали представители от 14 тракторных колонн, располагающих 300 тракторов и обслуживающих 70 тысяч гектаров. С большим вступительным докладом выступил тов. М. Лацис (на снимке беседует с работниками тракторных колонн).

СБОР ЖЕЛЕЗНОГО ЛОМА. Кампания по сбору железного лома продолжается. В ней принимают большое участие школьные и пионерские организации. Сборщиками Тифлиса представлено 2.430 тонн лома.

На снимке: пионеры за работой.

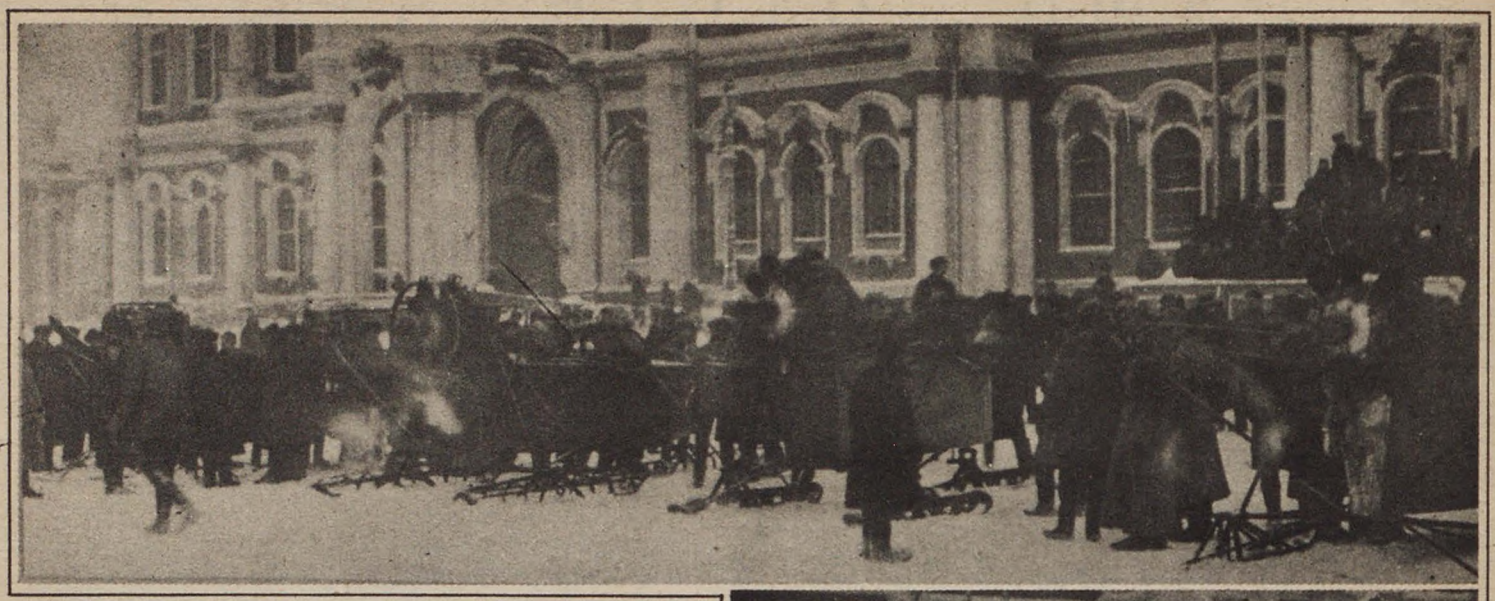
Фот. Н. Лисицына

ЗА НОВЫЙ УРОЖАЙ. По всему СССР началась кампания за повышение урожайности.

На снимке: зерноочистительный обоз, направленный Чурьяковским сельскохозяйственным товариществом Угличского уезда, Ярославской губернии, по селениям обслуживаемого им района.

Фот. Н. Перелякина

ШЕСТЬ ЧАСОВ НА СНЕГОХОДЕ



Зимнее ленинградское утро.

Задолго до назначенного часа, на площадь Урицкого начинают прибывать с шумом и треском аэросани, участвующие в пробеге, организованном Ленинградским отделением Автодора.

Одиннадцать часов. Командор отдает приказ: „По местам".

Взмах красного флажка.

Один за другим, с интервалом в минуту, сани плавно снимаются с места.

Мы медленно движемся по улицам города. До старта нас провожают автомобили и мотоциклетки.

У Московских ворот небольшая остановка. Здесь старт. Командор инструктирует контролеров. Через минуту трогаемся, осыпанные приветствиями рабочих Путиловского и других заводов.

Просторные снежные поля дают возможность нестись с быстротой экспресса. Девяносто километров в час. Как в калейдоскопе, мелькают деревья, столбы, дома. Все слилось в единую массу.

Уже темнело, когда мы приближались к финишу, обгоняя несущийся рядом с нами скорый поезд.

В пять часов мы у финиша. Испытание сдано.

Автомобильный колесный транспорт обогатился на зимний период еще одним собратом. Закованные в лед реки, обильные снегопады отрывают от промышленных и культурных центров, особенно в северной части Союза, целые области. Применение аэросаней кладет этому конец. Приходит конец и „собачьим", и „оленьим" средствам сообщения.

Аэросанное дело—молодое. Несмотря на это, мы в СССР уже имеем большое заводское производство саней. Надо полагать, недалек час, когда механический зимний транспорт получит у нас всеобщее признание и по снежному бездорожью свяжет заброшенные окраины необъятного Союза.

А. Млодик

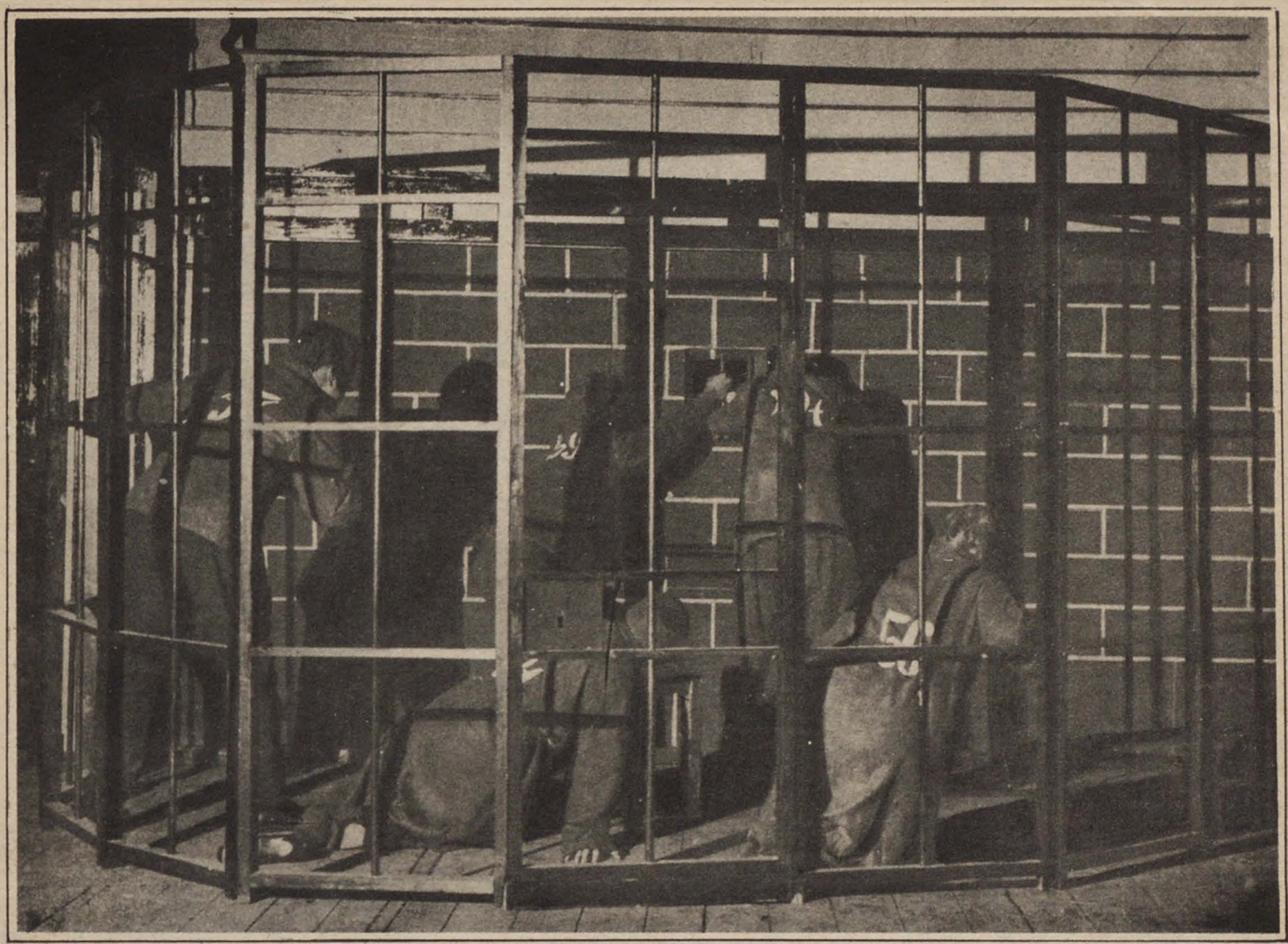
На снимках: наверху — аэросани на площади Урицкого перед пробегом; внизу—аэросани „Ленинградской Правды" у финиша. В санях—конструктор и водитель их т. Иванов. Фот. С. Магазинера

ЦИРКОВОЙ АРТИСТ—РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГЕРОЙ

Сюжетом революционной драмы производства ВУФКУ „Бенефис клоуна Жоржа" является подвиг циркового артиста - революционера во время гражданской войны. Ниже мы помещаем в переводе отзыв Анри Барбюсса об этой картине:

„Я аплодировал фильме „Бенефис клоуна Жоржа", которую тов. Орелович и его сотрудники по одесской кино-фабрике любезно показали мне перед первым представлением этой фильмы на экране. Я аплодировал этой фильме от всего сердца, потому что она—одновременно веселая и волнующая, увлекательная и патетическая. Совершенно естественно, помощью очень простой интриги, вы переходите от смеха к ужасу, от шутовского к героическому. Как жонглер „Парижской богоматери", который предлагает свои фокусы божеству, потому что они—все, чем он обладает, так и клоун Жорж, став солдатом, с великолепной дерзостью предлагает делу революции свою ловкость акробата и мимического актера. „Клоун Жорж" заслуживает стать популярным.

Анри Барбюсс".



Узники капитала в тюрьме, в ожидании смертной казни

„ГОПЛЯ, МЫ ЖИВЕМ"

Осенью 1927 года в берлинском театре режиссера-коммуниста Э. Пискатора была поставлена новая пьеса Э. Толлера—„Hoppla, wir leben" („Гопля, мы живем") (см. „Огонек" № 42 за 1927 г.). И пьеса, и постановка имели выдающийся успех, и это побудило и наш Московский театр Революции включить пьесу Толлера в свой репертуар.

„Hoppla, wir leben" — принадлежит, несомненно, к числу значительных произведений левой западной драматургии. По остроте письма, по искренности содержания, по глубине затронутых тем—„Гопля" является знаменательным документом нашего времени.

Сам многолетний политический узник германской тюрьмы, Толлер героем своей пьесы сделал также революционера, вышедшего на свободу после многих лет заточения. Карл Томас, — так зовут героя „Гопля", — темпераментный боец в прошлом — не узнает своей страны, когда перед ним открываются ворота воли. Его былые товарищи пережили большую эволюцию. Те, кто остался с революцией, перешли к методам оппозиционной упорной борьбы. Другие сделались ренегатами. Таким „министром из бывших революционеров" является товарищ Томаса — Кильман — яркая фигура политического бездушного и трусливого карьериста. Вместе с тем в самой Германии происходят следующие социальные процессы: реакция поднимает голову, фашизм укрепляется, буржуазия, раздавившая революцию, справляет свою лихорадочную „пляску жизни". Товарищи Томаса считают, что это торжество временно и надо только упорно бороться за каждую пядь прав пролетариата. Томас же, потеряв душевное равновесие, впадает в самое мрачное отчаяние и совершает политически не оправдываемые поступки—хочет убить агента фашистов, покушается на Кильмана. В конце концов, попав снова в тюрьму, Томас вешается.

Помещик Пиккель—арт. С. Мартинсон

В театре Революции этот конец изменен; Томас остается жив и как бы прозревает и вновь попадает в ритм времени. Но этот финал слабо вытекает из предыдущего, и самоубийство Томаса кажется с большей неизбежностью связанной со всем его предыдущим поведением.

В театре Революции пьесу Толлера ставил режиссер В. Ф. Федоров, окончивший в 1926 году режиссерские мастерские В. Э. Мейерхольда. Молодой постановщик применил в своей работе все средства воздействия новой режиссуры. Разбитая на ряд эпизодов, пьеса перемежается демонстрацией соответственных кино-фильм. На экране проходят образы войны, индустрии, революционного движения. Музыка, танцы прорезают драматическую ткань. Сама конструкция, искусно сделанная И. Шлепяновым, представляет пять уходящих ввысь белых лестниц, соединяющих между собой три площадки. Конструкция динамична; каждый уголок умело использован режиссером для передачи различных сторон берлинской жизни. Главным недостатком этой в высшей степени ценной постановочной работы явились сцены буржуазного веселья и всякие символические танцы, уводящие зрителя в область пустых и дешевых обобщений. Но эти дефекты никак не меняют общего благоприятного итога.

Карла Томаса изображает Терешкович—умно и четко, с ясным психологическим рисунком. Но эта роль, на наш взгляд, не совпадает с данными талантливого актера. Великолепно изображает карьериста Кильмана—Зубов, давая одновременно и облик надменного бюрократа, и в то же время человека с нечистой совестью. Наконец, замечательно показывает провинциального помещика Пиккеля—Мартинсон, исключительно удачно и ярко применяя свойственные ему приемы эксцентрической игры.

Спектакль „Гопля", открывающий перед московским зрителем облик современной Германии в преломлении талантливого и острого автора, в постановке культурного режиссера — является бесспорно одной из самых удачных работ театра Революции за последнее время.

Н. Волков

„ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ“—НОВАЯ ИГРА ЧИТАТЕЛЕЙ „ОГОНЬКА“

Серия четвертая — „ХОРОШО ЛИ ВЫ СЧИТАЕТЕ?“

Первая обезьяна, точно высчитавшая, что она может сбивать свой фруктовый паек палкой, экономя при этом много обезьяно-часов и бесполезных усилий, положила начало одновременно человеческому роду и искусству счета.

В эпоху первобытного коммунизма человечество впервые поставило и разрешило теорию деления. Буйная ватага молодых допотопных воинов, притащив тело коллективно умерщвленного какого-нибудь мамонта, делила его на совершенно равные части по числу охотников. Значительно позднее понятие о пропорциональности внес тот ехидный старичок, хранитель огня и патриарх племени, который, выбравшись из пещеры на шум возвращавшихся охотников, спокойно отогнал гордую добычей молодежь и дрожащими руками, едва удерживавшими кремневый перочинный ножик, отделил себе больше половины добытого. Когда же наиболее бузливый из возмущенных охотников осмелился пробормотать: „Что же это вы, дедушка, больше половины отсобачили“, тот нравоучительно заметил: „По достоинствам-с, молодой человек, пропорционально заслугам-с“.

Но настоящего своего под'ема счетная наука достигла только при капитализме. Проницательнейшие умы, математики, экономисты устремились на цифру, выжимая из нее, с виду прямой и честной, такие же запасы лживости, как, например, из твердой и жесткой моркови—воды.

Маркс увековечил одно интересное лжесвидетельство цифр. „В одно прекасное утро,—пишет Карл Маркс, — Н. Сениор [1] был призван из Оксфорда в Манчестер... фабриканты избрали его борцом против агитации за десятичасовой рабочий день“. Сениор пришел, увидел и... издал памфлет. „Здесь,—пишет Маркс,—между прочим, мы можем найти следующие поучительные места: „При теперешнем законе ни одна фабрика, на которой работают лица моложе 18 лет, не может работать более $11\frac{1}{2}$ часов в день. Анализ показывает, что в такой фабрике вся чистая прибыль происходит от последнего часа. Фабрикант затрачивает 100.000 ф. ст. При 15% годовой прибыли оборот этой фабрики составит 115.000 фунтов. Каждая из 23 половин рабочего часа, составляющих рабочий день, производит $\frac{1}{23}$ этих 115.000 фунтов. Из этих $\frac{23}{23}$, образующих совокупность 115.000 фунтов, $\frac{20}{23}$, т.-е. 100.000 фунтов, просто возмещают вложенный оборотный капитал, $\frac{1}{23}$, т.-е. 5.000 фунтов, восполняет снашивание фабрик и машин, оставшиеся $\frac{2}{23}$, *то-есть два последних получаса каждого дня производят чистую прибыль.* Поэтому, заключает Сениор, если бы рабочий день был сокращен на 1 час, исчезла бы вся чистая прибыль“. В этом выводе Сениор допустил просто грубый подлог, прикрытый мнимой об'ективностью цифры. В действительности, сокращение рабочего дня на два получаса повлекло бы пропорциональное уменьшение потребления сырья и износа машин, т.-е. вложенного капитала. При этом, параллельно сократилась бы прибыль, процент которой относительно капитала остался бы, однако, неизменным.

[1] Буржуазный экономист.

Можно привести и более новые примеры таких ловких цифровых подлогов. В 1912 г. были опубликованы данные голландской переписи населения. Между прочим, в этих материалах приводится такая любопытная табличка:

Умирало на 1.000 человек:	
Самостоятельных хозяев	Рабочих и служащих
8,81	6,84

„Беспристрастные“ ученые много писали относительно этих интересных данных, показывающих, что, очевидно, так называемые „эксплоататоры“ больше эксплоатируются, чем так называемые „эксплоатируемые“. Дело же об'ясняется опять-таки ловкой подтасовкой, характер которой становится ясным, если взять табличку смертности по возрастам.

Возраст	Смертность самостоятельных хозяев	Смертность рабочих и служащих
18—24	3,76	3,97
25—34	3,70	4,36
35—44	5,06	5,59
45—54	9,83	10,64
55—64	23,68	26,43

Как видно, внутри каждой возрастной группы смертность трудящихся выше, но так как хозяева в массе принадлежат к более старшим возрастным группам, с большей смертностью, то в итоге *нерасчлененная* масса хозяев дает большую смертность.

Борьба за честную цифру против обманчивой, прикрывающей растратчика, директора, у которого только на бумаге понижается себестоимость, и хозяйчика-эксплоататора—становится боевой нашей задачей.

Герой нашего времени должен уметь крепко держать цифры в руках и умело пользоваться этим замечательным орудием.

Предлагаем для упражнения ответить на следующие вопросы. Правильный ответ на вопрос дает 5 очков.

1. Сколько будет полторы трети от ста?
2. Какие двузначные числа увеличиваются при отбрасывании слева стоящей цифры?
3. Сколько всего существует трехзначных чисел?
4. Как сразу сосчитать сумму чисел $1+2+3+\ldots+38+39+40$?
5. Напишите число, содержащее 11 тысяч, 11 сотен и 11.
6. Определите на глаз, сколько вишен средней величины уместятся в одном кубическом метре?
7. Почему невисокосный год всегда кончается тем же днем недели, каким он начался?

8 и 9. Приготовьте перо или карандаш и лист бумаги. В течение пяти минут вы должны решить как можно больше примеров из числа приведенных здесь.

$$\begin{array}{r} 4 \\ +\,7 \\ \hline 2 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 3 \\ +\,7 \\ \hline 9 \end{array} \qquad \begin{array}{r} 37 \\ -\,5 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r} 57 \\ -\,9 \\ \hline \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 6572 \\ \times\,6 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r} 2179 \\ \times\,5 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r|l} 8840 & 8 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r|l} 5373 & 9 \\ \hline \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 560 \\ \times\,37 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r} 392 \\ \times\,306 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r} 739 \\ -\,367 \\ \hline \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 954 \\ -\,483 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r|l} 3854 & 82 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r|l} 1386 & 33 \\ \hline \end{array}$$

$$\begin{array}{r} 7862 \\ 5013 \\ +\,1761 \\ \hline 5872 \\ 3739 \\ \hline \end{array} \qquad \begin{array}{r} 7917 \\ 4304 \\ +\,9027 \\ \hline 9975 \\ 1247 \\ \hline \end{array}$$

$\frac{1}{6}+\frac{1}{3}=$ $\qquad$ $\frac{5}{8}+\frac{3}{4}=$

$\frac{3}{4}-\frac{2}{5}=$ $\qquad$ $\frac{8}{15}-\frac{4}{9}=$

10. Две книги стоят рядом на полке. Книжный червь проедает свой путь напрямик от первой страницы первой книги до последней страницы второй. Какой длины путь пройдет червь, если толщина картона переплета $\frac{1}{2}$ сантиметра, а толщина каждой книги без переплета 4 сантиметра?
11. Как разделить пополам жидкость из полного восьмилитрового сосуда, имея в своем распоряжении два пустых сосуда емкомстью в 5 литров и 3 литра?
12. Ежедневно в полдень из Гамбурга в Нью-Йорк отправляется пассажирский пароход, и в это же время пароход той же компании выходит из Нью-Йорка в Гамбург навстречу первому. Сколько пароходов своей компании встретит по дороге пароход, выходящий из Гамбурга сегодня, если рейс продолжается 7 дней?
13. **14, 15.** С каким количеством кирпичиков соприкасается каждый из 14 занумерованных кирпичиков (фиг. 1, 2 и 3)? На решение вопросов 13-го, 14-го и 15-го вам дается две минуты.

Фиг. 1

Фиг. 2

Фиг. 3

16—20. Ниже приведены строки из старинной математической рукописи. Она сильно пострадала от времени, и значительную часть цифр и знаков в ней нельзя прочесть. Все эти неразборчивые знаки заменены здесь звездочками. Постарайтесь восстановить текст рукописи, изучая сохранившиеся знаки. Замените звездочки цифрами, либо знаками арифметических действий. Повидимому, древний составитель рукописи недалеко ушел в искусстве счета. В рукописи видны явные следы ошибок автора. Где эти ошибки?

$$*3*5=8$$

$$35\times *2=2*0$$

$$\begin{array}{r} 6*37 \\ -\,*92* \\ \hline 14*8 \end{array}$$

$$*4*2=*5$$

$$\begin{array}{r} *** \\ \times\,364 \\ \hline **** \\ 2202 \\ **** \\ \hline ******* \end{array}$$

Редактор МИХ. КОЛЬЦОВ. Издатель — АКЦИОНЕРНОЕ ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО „ОГОНЕК“. Неприятые редакцией рукописи не возвращаются. Перепечатка без указания источника воспрещается. РЕДАКЦИЯ—Москва 6, Страстной бульв. 11. Тел. 2-96-12. ГЛАВНАЯ КОНТОРА—Москва 6, Страстной бульвар, 11. Тел. 3-12-56. Отд. Распростр.—5-51-69 и 1-35-28; Почт. под'отдел—4-28-45. Московская Контора—1-28-19 и 1-28-20. Рекламный отд.—3-91-48. Бюро иногородних об'явлений—4-64-40. Адрес для телеграмм: Москва „Огонек“. ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ — Проспект 25 Октября, д. 1., тел. 5-26-09. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на 1929-й г.: „ОГОНЕК“ с приложен. Библиотеки „Огонек“ (2 кн. в неделю): на год—13 р. 50 к., на 6 мес.—7 р., на 3 мес.—3 р. 75 к., на 1 мес.—1 р. 40 к. „ОГОНЕК“ без приложений: на год—4 р. 50 к., 6 мес.—2 р. 40 к., 3 мес.—1 р. 20 к., 1 мес.—40 к. ЗА ГРАНИЦУ — „ОГОНЕК“ с приложением Библиотеки „Огонек“: на год—6 долл. 75 цент., на 6 мес. — 3 д. 50 ц., на 1 мес. — 70 ц. „ОГОНЕК“ без приложений: на год—2 долл. 25 ц., на 6 мес.—1 д. 20 ц., на 1 мес. — 20 ц.

Главлит № А 30.502. Офсет-печать типо-литогр. Акц. Изд. О-ва „ОГОНЕК“, Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26. Тираж 450.000

ЛЮБУЮ КНИГУ

высылает наложен. платежом ИЗД-ВО ПРОСВЕТ. ОБЩ-ВА „ПРОМЕТЕЙ“ Москва, Центр, Никольская 3/0.

ЛЮБУЮ КНИГУ

в 2-дневный срок высыл. наложен. платеж. Заказы и деньги адр.: Москва, Центр, Политехнич. Музей, 110/о. Кооперат. Т-во „КУЛЬТУРА и ЗНАНИЕ“.

Н. НИКАНДРОВ.

ПУТЬ К ЖЕНЩИНЕ

Роман, 2-ое издание, ц. 1 р. 90 к.
Высылает наложенным платежом „Московское Товарищество Писателей“. Москва 9, ул. Герцена, 22/0.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ МАССОВЫЙ ПОПУЛЯРНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ИЛЛЮСТРИРОВАН. ЖУРНАЛ

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“

(Орган Н. Т. У. ВСНХ СССР)

Подписная плата на 1929 г.: год—3 р. 50 к., полгода—1 р. 80 к., 3 мес.—1 р., 1 мес.—35 к. С приложен. „Библиотеки Изобретателя“: год—6 р., полгода—3 руб. 25 коп., 3 мес.—1 р. 75 к., 1 мес.—65 к.

„ИЗОБРЕТАТЕЛЬ“—первый в мире журнал творческих идей и изобретательской мысли—издается при участии крупнейших литературных и технических сил.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ:
МОСКВА Страстной бульвар 11 АКЦ. ИЗДАТ. О-ВУ „ОГОНЕК“.

МАССОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛ АВТОДОРА

ЗА РУЛЕМ

Отв. ред. Н. ОСИНСКИЙ.

ЖУРНАЛ БОРЕТСЯ ЗА АВТОМОБИЛЬНУЮ и ДОРОЖНУЮ РЕВОЛЮЦИЮ В СОВЕТСКОЙ СТРАНЕ

„ЗА РУЛЕМ“ выходит при участии всех виднейших деятелей политики, науки, хроники, хозяйства, журналистики СССР и иностранных авторов.

В вышедшем № 2 „ЗА РУЛЕМ“

В. Дмитриев.—Год работы Автодора. **Инж.-геолог. С. Константов.**—Геология и дорожное строительство. **Александр Рубакин.**—Парижская автомобильная выставка. **Доцент Н. Ветчинкин.**—Грунтовые дороги и автодвижение. **Инж. Г. Зимилев.** — Автомобиль на снегу. **Бор. Зильперт.**—О русском шофере. **В. Стычинский.** — Саперы на помощь Автодору. **Инж. А. Голубков.**—Аэросани. **Н. Белюстин.**—Как улучшить грунтовые дороги. **Н. С-в.**—Письма с Востока. **Г. С.**—На улице (третье письмо молодому автодоровцу). **Автодорожный экран. Глазом рабкора-автодоровца. Автодоровская перекличка. Общемосковское собрание Автодора.**

В номере 45 чертежей, рисунков и фото.

Продолжается подписка на журнал „ЗА РУЛЕМ“

„ЗА РУЛЕМ“ самый распространенный в Европе журнал подобного типа.

В 1929 году „ЗА РУЛЕМ“ даст подписчикам приложение „Справочную книгу автодоровца“, большую богато иллюстрированную книгу, являющуюся настольной и практической энциклопедией по вопросам автомобильного и дорожного дела.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА на журнал „ЗА РУЛЕМ“: (с приложен.) год—5 р. 50 к., 11 мес.—5 р., 6 мес.—3 р. 50 к., 3 мес.—2 р. 30 к., (без прилож.) год—4 р. 50 к., 11 мес.—4 р., 6 мес.—2 р. 50 к., 3 мес.—1 р. 30 к., 1 мес.—50 коп.

ПЕРЕВОДЫ АДРЕСУЙТЕ: МОСКВА Страстной бульвар. 11 АКЦ. ИЗД. ОБЩЕСТВУ „ОГОНЕК“.

ЛЕГКО и СКОРО

можно научиться красиво писать—изучить каллиграфию, пользуясь вновь вышедшими НАВОДНЫМИ ТЕТРАДЯМИ. Буквы напечатаны голубой краской, поверх которой пишут чернилами. Весь курс каллиграфии в 4-х тетрадях (128 стр.). Цена за все четыре тетр.— 2 р., перес. 30 коп. Подроб. руководство по каллиграфическ. письму (64 стр. 118 рис.) стоит 1 р. 20 к., перес. 30 к. Присылающие деньги вперед за перес. не платят. Выс. и нал. плат. АДРЕС: Ленинград, 28, Кирочная 2/о.
Д. А. Писаревскому.

ЗАРАБОТОК на ДОМУ

Заочное обучение кустарным производствам. Проспект за 20-коп. марку. Киев, Главная Почта, ящ. 139.
И. И. ПЕРЕКРЕСТОВУ.

Сокровища мировой литературы ДАНИЭЛЬ ДЕФО

Робинзон КРУЗО

2 тома в одной кн., 751 стр., около 300 иллюстр. художн. Гранвиля. Исключ. худож. издан. полн. пер. воспроизв. текст первого издания.
Цена в сатин. перепл. и худож. облож. 3 р. 80 к.
Выслав. деньги вперед за перес. не платят.
Изд-во „АКАДЕМИЯ“ Москва 9, Тверская 26/0.

ЛЮБУЮ КНИГУ

русскую как новую, так и старую,

высылает налож. платеж. в 3-дневн. срок Отдел почтовых отправлений книжного магазина ВЦСПС.
МОСКВА, Кузнецкий Мост 20.

ПР-ВО МЕДИЦ. АППАРАТОВ Д. Б. КОЦЕН. Москва, 9 почт. ящ. № 1241. Выс. налож. плат. „МЕДИКОС“

Для самостоят. применения:
1) „РОЛЛЕР“—аппар. для гимнастики и массажа тела. Устран. полноту, слабость, нервность и т. п. Ц. 12 р. 50 к.
2) „МАССАЖЕР“ для лица — удал. морщ. и дрябл. Ц. 6 р.
3) „МАССАЖ“ для головы, укрепляет волосы, предохраняет облысение Ц. 3 р.

Для врачей и космет. кабин.: паров. ванны, лампы. Соллукс, аппар. для эндоскопии и каустики. **(Цены по каталогу).**

НОВЫЕ КНИГИ:
М. И. ВАЙСФЕЛЬД
СЛАБОСТЬ ИНИЦИАТИВЫ
(БЕЗВОЛИЕ)
Ц. 1 р. 35 к.
И. Т. НАЗАРОВ.
КУЛЬТУРА ВОЛИ
Система самовоспитания здоровой личности. Ц. 80 коп.
Д-р АНОХИН.
ВОЛЕВАЯ ГИМНАСТИКА
Психо-физиолог. движения. Ц. 35 коп.
А. П. НЕЧАЕВ.
ПАМЯТЬ и ее воспитание у человека. П. 70 к.
ОБ УКРЕПЛЕНИИ **ПАМЯТИ** Цена 20 к.
Высылает нал. плат. без зад.
Книжный магазин „ТРУД“
МОСКВА. 9, Моховая 15/0.
Н. М. ГУСЕВУ.

ГОСИЗДАТ РСФСР ВЫШЕЛ и ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ

Политическ. Словарь

(Международная политика, советское строительство, экономика, рабочее и профессион. движение, история ВКП (б), Коминтерн, политические деятели и пр.) под общей редакцией А. И. Стецкого.
Стр. 671. Цена в переп. 3 р. 05 к. Продажа во всех магазинах и отделен. Госиздата. По почте книгу высылают налож. платежом по получении 1 руб. (можно почтовыми марками)
МОСКВА или ЛЕНИНГРАД ГОСИЗДАТ КНИГА-ПОЧТОЙ.

Н. М. КРУЛЕВ.
УЧЕБНИК

СТЕНОГРАФИИ

По системе Габельсбергера-Крулева.
Речепись в обработке Вл. Тицнер. Издание 11-е. Стр. 243. Ц. в перепл. 2 р. 75 к.
Материал расположен таким образом, чтобы учебник мог в то же время служить и руководством для самообучения. Продажа во всех магазинах и отделениях Госиздата. По почте книгу высыл. нал. плат. по получении 1 р. (можно почтовыми марками).
Москва, 64, ГОСИЗДАТ „Книга почтой“.
Ленинград ГОСИЗДАТ „Книга почтой“.

ВНИМАНИЮ МОСКОВСКИХ ПОДПИСЧИКОВ

По всем вопросам, связанным с подпиской на издания „Огонек“, следует обращаться в Московскую Контору АКЦ. ИЗД. О-ВА „ОГОНЕК“. Телеф. 1-28-20, 1-28-19.

ГАРАНТ. АККУР. ДОСТАВКА

ЛЮБУЮ КНИГУ

ПОВСЕМ ВОПРОСАМ самообразования. Техника, учебники, медицина, классики и пр. высыл. наложен. платежом. Москва 9, Моховая, 220, Кооп. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“

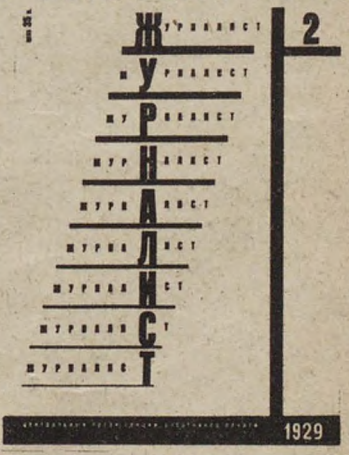
Изд. 1929 г. **АЛЬБОМ** Изд. 1929 г.
для **ВЫПИЛИВАНИЯ**
С РУКОВОДСТВОМ и ПРИЛОЖ. 12 пилок, 4 л. перев. бумаги. Выс. нал. плат. за 1 р. 85 к. с перес. Москва, Моховая 22/3. Коопер. Т-во „САООБРАЗОВАНИЕ“.

НЕЗАМЕНИМОЕ ДЛЯ ВСЕХ **УДОБСТВО**

Прибор для быстрой штопки всяких вещей и ЧУЛОК на любой швейной машине зарегистр. в Комит. по Делам Изобрет. за № 1447. Цена прибора с руков. 1 р. 35 к. Высыл. нал. плат. при задатке трех 10-к. почт. марк. Перес. за счет покуп. Москва, 1-я Тверская-Ямская, 20, пом. 3/0. Кустарн. произв. И. А. Фридман.

ЧИТАЙТЕ № 2

ДВУХНЕДЕЛЬНОГО ЖУРНАЛА ПО ВОПРОСАМ ПЕЧАТИ



В НОМЕРЕ: Г. Зиновьев—Ленин, как редактор. Г. Нерадов—Что дает новый авторский закон. Б. Мандельцвайг — Будет ли у нас бумага? П. Новицкий, проф. А. Сидоров, Л. Межеричер, Н. Изгоев, Б. Ефимов—О газетной графике и спросе на художников. А. Мариинский—Ближе к своему классу (о кадрах газетных работников). М. Поликанов—Как нужно вести учет рабселькоровских писем.

Цена номера 35 коп.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1929 ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:
на 12 мес.—6 р. 50 к., на 6 мес.—3 р. 50 к., на 3 мес. — 2 р. и на 1 мес.—70 к.

Заказы и переводы адресуйте:
МОСКВА Страстной бульвар 11 Акц. Издательск. О-ву „ОГОНЕК“.

Тариф об'явлений в «ОГОНЬКЕ»: 1 страница—3000 р., 1 строка нонпарели—5 рублей. Сверх тарифа налог 10%

С этим № „ОГОНЬКА“ по 2-му и 3-му АБОНЕМЕНТАМ рассылаются книжки „Библиотеки ОГОНЕК“: Анатоль ФРАНС—Сказки; М. БЕККЕР—Ленин в художественной литературе.

Ленинградский Медснабторг пром

Спермин-Фармакон

ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПРЕПАРАТА ПРОИЗВОДИТСЯ ПОД ПОСТОЯННЫМ НАБЛЮДЕНИЕМ КОНСУЛЬТАНТОВ-ПРОФЕССОРОВ

Цена за флакон без пересыл. **1 р. 50 к.**

При заказе не менее 3 флаконов за пересылку не взимается.

Продажа во ВСЕХ АПТЕКАХ и МАГАЗИНАХ САНИТАРИИ и ГИГИЕНЫ СССР.

При отсутствии препарата заказы и деньги направлять: Ленинград, ул. Гоголя, 11, МЕДСНАБТОРГПРОМ.

ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1929 год НА ЖУРНАЛ „**Последние моды**“

Журнал для женщин (практическое обучение кройке и шитью на дому) **ПРИНИМАЕТСЯ** на два сезонных номера ВЕСНА и ЛЕТО сезона 1929 г. с приложен. ВЫКРОЕК и РУКОДЕЛЬНЫХ РАБОТ

Подписная плата 2 руб., каковая вносится при подписке.

Выход номеров: февраль—апрель 1929 г.

Подписку принимает Редакция и Главн. контора: Ленинград, ул. Восстания 3/5. Редактор издатель **Х. Т. ЦВЕТКОВ**

ХУДОЖЕСТВ. УВЕЛИЧЕНН. **ПОРТРЕТ**

может получить **КАЖДЫЙ** ПРИСЛАВ ЛЮБУЮ ФОТОГРАФИЧЕСКУЮ КАРТОЧКУ.

Цены: 18×24 с/м. 5 р. 50 к., 24×30—7 р., 30×40—10 р., 40×50—14 р., 50×60—20 р.

АГЕНТАМ и ФОТОГРАФАМ СКИДКА.

Заказы выполняются быстро и аккуратно. Высыл. налож. платежом без задатка. Оригиналы возвращаются.

Худож. Ателье „ФОТО-АРС“ Москва, пр. Худож. театра, д. 1, п. 15. Заказы направлять: Москва 9, почт. ящ. № 846. А. М. Рубинштейн.

БАЛАЛАЙКИ 5.50, 6.50, 7.50 и дороже

ГИТАРЫ 16 р. 18 р. 20 р. и дороже

МАНДОЛИНЫ 15 р. 18 р. 22 р. 25 р. и дороже

ГАРМОНИИ

БАЯНЫ Ленинградские

ВЫПИСЫВАЙТЕ БЕЗ РИСКА

ЦЕНЫ И КАЧЕСТВО ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ.

Требуйте сметы на струнные оркестры. Требуйте за две 10 коп. марки вложенные в конверт. ПРЕЙС-КУРАНТ.

САМОУЧИТЕЛИ, НОТЫ для всех инструмент НА ДЕРЖ. СКИДКА 50%. **КАТАЛОГ НОТ БЕСПЛАТНО.**

ЛЕНИНГРАД, Пр. 25 Октября 100. И. Сарантиди.

ЗАДАЧИ с подробными решениями, предлагавшиеся на конкурсных экзаменах в ВУЗ'ах и ВТУЗ'ах.

1. ГЕОМЕТРИЯ и ТРИГОНОМЕТРИЯ Проф. Делоне и Житомирского 719 задач с решениями, 349 черт. 352 стр. ц. 4 руб.

2. АЛГЕБРА—проф. Я. Безиковича 524 задачи с решениями, ц. 2 р. 25 к.

Заказы направлять **Акц. О-ву Книжной Торговли Ленинград,** Внутри Гостиного Двора № 123/а.

Рекоменд. Гос. Уч. Сов.

РИСОВАНИЕ

Популярн. подробн. самоучитель сост. В. Журавлевым по соверш. новому методу. **Каждый без помощи учителя может ИЗУЧИТЬ РИСОВАНИЕ.** Самоучитель с прилож. худож. атласа больш. форм. высылает нал. плат. за 2 р. 90 к. с перес.

Москва, 9, Моховая, 22|3. Кооп. Т-во „САМООБРАЗОВАНИЕ“ Экопед. высыл. **ЛЮБУЮ КНИГУ.**

Несмываемая жидкая краска для бровей, ресниц, волос и усов косметич. лаборатории

„ХНА-БАСМОЛЬ“ провизора **М. М. ЛИПЕЦ.**

моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от природы. Не смывается в течении месяца. Не пачкает лица и платья. Безвредна. Разрешена Мосздравотд. Способ применения простой. Высылаю почтой наложенным платежом без задатка. При выписке не менее двух флаконов за пересылку не платят. Коробка на год для бровей — 2 р. 75 к., кор. для бровей на полгода—1 р. 75 к. **Коробка исключительно для волос. на полгода—3 р. 25 к.**

НОВОСТЬ „ФРИЗОЛЬ“—краска для волос, бороды и усов. В одном флаконе цвета: черный, шатэн и русый. Цена за флакон. 1 р. 90 к. Все цены с оплач. акц. **Москва 9, Проезд Художествен. театра, б. Камергерский, 60, провизору М. М. ЛИПЕЦ.**

ПРИКЛАДНАЯ **ЭЛЕКТРОТЕХНИКА**

В. КАРПОВА под ред. проф. **Г. ЛЮСТА**

Практич. руков. для монтеров, техников и самообучения в четырех книгах, с громадным количеств. наглядных рисунков, схем, таблиц, смет и расчетов.

1. Электропроводчик. Как самому делать правильн., безопасные, и экономн. проводки: наружные, внутренн., подземн. и подводные. Простейший расчет проводов. Приборы и аппараты. Изоляторы. Инструм. для монтажа и т. п.

2. Электробеспечитель. Новейшие системы здорового и дешев. электр. освещ. Источники света. Яркость. Осветит. приборы. Арматура. Освещен. квартир, фабрик, заводов, рудников, школ, больниц, театров, улиц, лестниц. Прожектора. Автомоб. освещ. Свет. рекламы. Иллюминация. Правила и нормы освещ. и т. п.

3. Электромеханик. Динамомаш., Трансформат. станки и механизмы. Выбор электродвигателя. Монтаж, ремонт и обслужив. эл. маш. Удешевление эксплоатации и т. п.

4. Электрообмотчик. Как самому: разбираться в готов. схемах электр. маш. и трансформат.; зарисовывать схемы обмоток; производить обмотку; отыскать поврежд. в обмотках; проверять правильность произведенных работ и т. п. Цена кажд. книги с пер. 2 р. 20 к. в перепл. 2 р. 50 к. Выс. Изд-ство

БРОКГАУЗ-ЭФРОН

Ленинград, Внутри Гостиного Двора 124/о. **А. Перельман.**

ПОКУПАЙТЕ БЕЗ РИСКА

ПОЛОВОЙ ВОПРОС

известн. сочин. проф. **Авг. Фореля** в двух томах. Около 500 стр. с 23 рис. и цветн. таблиц. Цена 4 р. 50 к.

Новинка 1929 г.—А. Дембская. СРЕДСТВА и МЕРЫ **ПРОТИВ БЕРЕМЕННОСТИ**

Описание старых и новейших средств и способов предупр. беремен. С 10 рис. Ц. 1 р. 65 к.

БОЛЕЗНИ ВОЛОС и ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ЛЫСИНЫ Д-ра **С. Бормана.** Изд. 1929 г. С 22 рис. многр. рецепт. Ц. 2 р.

УХОД ЗА ЗДОРОВОЙ и БОЛЬНОЙ КОЖЕЙ. (Медицинская косметика). Д-ра **С. Бормана.** 2-е дополн. изд. с рисунк. и рецепт. Ц. 1 р. 25 к.

ОНАНИЗМ и БОРЬБА С НИМ. Половые отклонения и полов. воспитание **д-ра В. Хачатряна.** Изд. 1929 г. Цена 1 р. 25 к.

Цены указаны с пересылкой. Книги высылает (можно нал. плат.) **Книжное Дело „ЛИТЕРАТУРА“ М. М. Дозорец** ОДЕССА, ул. Ласселя 26/о.

„Тео-Кино-Печать“

МОСКВА 9. СТРАСТНАЯ ПЛ. 2/0

СЛУШАЙТЕ! СЛУШАЙТЕ!

музыку к операм и балетам, только ИМЕЯ В РУКАХ подробные либретто к „ЕВГЕНИЮ ОНЕГИНУ“, „СКАЗКЕ О ЦАРЕ САЛТАНЕ“, „ПИКОВОЙ ДАМЕ“, „ЭСМЕРАЛЬДЕ“, „КРАСНОМУ МАКУ“. (Статьи. Комментарии. Полный текст опер и полный сценарий балетов). Цена книжки от 20 до 35 коп.

На днях выходит либретто: „Мейстерзингеров“ (к премьере в ГОТОБ'е первой), Конька-Горбунка“, „Лебединого озера“ и др.

Заказы и деньги направлять по адресу: МОСКВА 9, Страстная площадь 2/0.

Изд. „ТЕА-КИНО-ПЕЧАТЬ“.

50% СКИДКИ НА ДЕРЖАНЫЕ НОТЫ

Высылает наложенным платежом без задатка

НОТНЫЙ МАГАЗИН „МУЗЫКА“ Г. И. Баринова. Ленинград, „25“, ул. Восстания 2/0.

Новый каталог высылается за две 10-коп. марки.

ГАРМОНИИ ГУБНЫЕ ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ

40 тонов—7 руб. 50 коп. за штуку. Высыл. по получении стоимости (пересылка за счет заказчика) „СПЕЦ-МУЗЫКА“—МОСКВА Тверская 68/7 — С. Н. Момент.

ИЗБАВИТЬСЯ!!

НАВСЕГДА от мозолей, бородавок и пота

МОМЕНТАЛЬНО от крыс, мышей, клопов, тараканов, и др. паразитов

может каждый, выписав следующие продукты:

„Эксоль“—от мозолей и бородавок . . . 2 р.— —

„Javol“—радик. средство от пота . . . 1 р. 75 к.

„Клопин“—момент. уничтож. клопов . . 2 р. 50 к.

„Тараканон“—от всяких тараканов . . 2 р. 75 к.

„Крысомор“—истребляет крыс и мышей 2 р. 25 к.

„Антипаразит“—идеальн. средство от вшей и блох 1 р. 50 к.

Качество гарантировано. Заказы высылаются по получ. их стоим.

Адрес: Москва, Почтамт, И. ТОЛЬЦ—почтовый ящик № 980.

„ВИКТРИКС“

Новая увлек. игра шахм. фигурами участвуют нов. фигуры: **ПУЛЕМЕТ, САМОЛЕТ и ТАНК.** Ц. 5 р., высыл. нал. плат. с зад. 2 р. перес. за 1¼ кило; адр.: Ленинград, ул. Некрасова 58, кв. 47. Учрежд. и круж. особые условия.

Изобрет. А. Н. ПЕТРОВУ.

МОЖЕТЕ САМИ

домашними средствами **УДАЛИТЬ С ЛИЦА** морщины, бородавки, веснушки, угри, пятна, волосы, усилить рост и восстановить цвет волос и проч. Испытанные советы и рецепты высыл. за 2 руб. 85 коп.

Адрес: Киев, Гл. Почтамт, ящик 139. И. И. ПЕРЕКРЕСТОВУ.

ЛУЧШЕЕ УКРАШЕНИЕ **ЖЕМЧУГ** исключ. красоты, франц. типа, не отлич. от настоящ., массивн., небьющ. ожерелье, разм. 45 сант. с сер. замк. 9 р., 60 сант. с сер. замк.—11 р., 100 сант.—16 р., 130 сант. — 20 р., 150 сант.—23 р. Серьги с сер. замк.—4 р. Высыл. наложен. платеж.

Перес., упак. и страх. беспл. Москва, Почтамт, ящ. № 721/о. М. Н. ВАСИЛЬЕВОЙ.

КРАСКА для ВОЛОС „ЭЛЭМ“

приготовленная по новейшему французскому рецепту, несмываемая. Моментально окрашивает в любой цвет, ничем не отличающийся от природного. В цвета: черный, темно-каштановый, светло-каштановый, темно-русый, русый и светло-русый). Кор. 5 руб. **Краска для волос** по В. ЗЕЕГЕРУ — коробка 1 р. 75 к. Высылает наложен. плат. по получ. 1|2 стоимости.

Кооператив „Э Л Э М“ Москва 9, Тверская, 15, отд. 1.

Требуйте в аптеках, магаз. санигиены и универмагах.